

ГАЛИНА ВОЛКОВА

Не ходите, девки,
замуж, *или*

*Лошадь
большая*

ЖЕНСКИЙ РОМАН

Галина Волкова

Не ходите, девки, замуж...
или... ЛОШАДЬ БОЛЬШАЯ

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6024073

Не ходите, девки, замуж... или... ЛОШАДЬ БОЛЬШАЯ: Геликон Плюс;

Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-93683-837-9

Аннотация

Безусловная любовь... бесконечная... она всё прощает, всё принимает, не завидует и всему радуется... Как приобрести то, чего в своё время не смогли получить от родителей? Маленькая девочка – недоласканная и недолюбленная, словно гадкий отверженный утёнок продирается сквозь дебри под названием Жизнь. «Любовь просто так не дарят... её заслужить требуется!» – под таким девизом смешная голенастая шкодливая пацанка превращается в синеокую стройную красавицу, но рулетка Вселенной в очередной раз не в духе, посылает всё новые испытания на хрупкие плечи Василисы. Смех, слёзы, любовь и глубокие, щемящие сопереживания главной героине на протяжении всего романа.

Содержание

От автора	5
Предисловие	8
Глава первая	11
Глава вторая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Галина Волкова

Не ходите, девки, замуж... или...

ЛОШАДЬ БОЛЬШАЯ

©Волкова Г..., текст, 2012.

©«Геликон Плюс», оформление, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Заходи – не бойся, уходя – не плачь...»

*Все совпадения случайны,
претензии не принимаются...*

От автора

Дорогой Читатель! Искренне благодарю Тебя за интерес, проявленный к моей книге!

Я надеюсь, более того – просто уверена, что роман не оставит Тебя равнодушным и Ты нисколько не пожалеешь о потраченном на него времени, а с нетерпением станешь ждать продолжения, которое появится совсем скоро.

Это моё первое серьёзное произведение, выставленное на суд читателей, первая книга из трилогии. Написана она, как говорят специалисты, – «лёгким пером», читается на одном дыхании, потому как тема близка для большинства женщин и доступна для восприятия, вызывая неподдельный интерес и затрагивая самые потаённые уголки души. Я «неправильный» писатель – одновременно «гнала» все три книги, строки рождались просто на одном дыхании, а роман пронизан сильными эмоциями и душевным волнением. Не обошлось и без курьёза! Откуда мне было знать, что показывать рукопись прежде времени, «сырой материал» – плохая примета? Но мне же нужна была Муза! А лучше, если не одна... а сразу несколько этих... Муз...))) Вот я и имела неосторожность для оценки своего творчества, так сказать, – независимой экспертизы, дать почитать рукопись первой книги самым близким мне людям, друзьям... Ну и всё! Последовала неожиданная реакция, на меня просто напали с

воплями: «Где продолжение?» Дочке «повезло» больше всех, та выпрашивала у меня материал прямо из-под «пера», горячий, так сказать... по несколько страниц... После чего незамедлительно следовали звонки: «Давай дальше! У меня ломка начинается! Читаю даже в машине, когда на светофоре стою!» С одной стороны, смешно, а с другой... для меня это был колоссальный стимул продолжать! Вот... Ну а теперь, когда вышла первая книга – судить Вам, дорогие мои читатели...

Хочу выразить огромную благодарность своему близкому другу Александру Колотыгину, умнейшему человеку, советскому учёному-биологу, по воле судьбы или стечению обстоятельств оказавшемуся за пределами России и не имеющему возможности вернуться на Родину – как ни печально, но светлые умы нашим государством не ценятся, – который первым разглядел во мне дар рассказчика и способности к писательству. При его огромной моральной поддержке и поистине ангельском терпении родилась моя первая книга, которую хочу предоставить на суд Читателю.

Хочу выразить признательность начинающей писательнице из Москвы Ирине Панфиловой, оказавшей мне неоценимую помощь при первых шагах и своей безоговорочной верой в меня дававшей мощный стимул к творчеству.

И конечно же, моя непомерная благодарность и горя-

чая любовь самым близким и родным людям – супругу Анатолию и дочери Елене за их поддержку, предоставление возможности заниматься творчеством и твёрдую уверенность в том, что мои книги вызовут интерес у широких масс читателей.

Предисловие

Ребёнок – это дар Божий. Он вступает в новый, незнакомый ему мир, будучи полностью беззащитным и несмышленным, а каким уж он станет, как сложится его дальнейшая жизнь, во многом зависит от нас – родителей, взрослых. Как чистый лист бумаги беря в свои руки самое ценное, что есть на Земле – жизнь человеческую, именно мы наполняем маленького человечка знаниями, понятиями, правилами, нормами поведения, жизненными ценностями, прививаем моральные качества, учим взаимоотношениям с окружающими его людьми, как правило, вкладывая в процессе часть своей души. А уж какая это часть и всегда ли даём ребёнку достаточно душевной близости и эмоционального тепла – в каждой семье по-разному складывается и происходит. Но тем не менее мы формируем личность именно по своим собственным сложившимся представлениям и мировоззрению, передаём именно свой опыт, далеко не всегда удачный, а зачастую и свои собственные страхи. И как бы мы это ни хотели признавать – зачастую строим подобие себя, подсознательно направляя дитя на продолжение нашего жизненного сценария и прививая нашу собственную модель поведения. Часто можно слышать от родителей фразу: «И в кого он такой? Мы его этому не учили!» Да в вас, дорогие мои, как бы неприятно ни было такое услышать. Все проблемы детей – это в

первую очередь проблемы родителей и взрослых, воспитателей! Только вы являетесь образцом для подражания, и чему бы ребёнка ни учили – правильному и светлому, – слыша ваши нравоучения, он поступает согласно вашему поведению в жизни и отношению к окружающим. Либо, наблюдая противоречия, которые моментально улавливает в силу своей незамутнённой условностями души, вступает в конфликт и поступает с точностью до наоборот, выражая таким образом протест. В последующем всё наше общество – начиная с детских садов, школы, телевидения, улицы – вносит свой осязаемый вклад в развитие личности ребёнка, зачастую загоняя того в искусственные рамки. Ребёнок – душа, пришедшая в этот мир для прохождения своих собственных уроков в школе Жизни, для становления и совершенствования, а мы лишь проводники, помощники на начальном этапе Пути и несём ответственность за свои действия. Но самое главное – любите! Любите своих детей искренне, от всего сердца, даря душевное тепло и ласку, не бойтесь переборщить в этом! Не эгоистов растите, потакая всем капризам, а давайте понять и озвучивайте, что любите и принимаете ребёнка таким, какой он есть, уважаете его мнение и желания, говорите о том, что плохое поведение сильно огорчает вас, но не умаляет силу чувств! Любовь заключается не столько в удовлетворении насущных потребностей – одеть, обуть, накормить, дать образование, это как раз наш долг, – но, что не менее ценно, а то и гораздо важнее – в близости душевной. Закон

Вселенной – научиться любить любовью безусловной, принимая себя и окружающих. Детская душа чиста и светла, поэтому очень остро чувствует несправедливость и нарушение этого закона, не получая любви и внимания от родителей, ребёнок всеми способами старается привлечь к себе её, всё настойчивее выходя из повиновения, раздуваясь, как мыльный пузырь, наполненный проказами и дурными поступками. Запреты должны быть, несомненно! И заслуженные наказания тоже! Но наказание наказанию рознь, не следует переходить границу, грань, после которой начинаются насилие и жестокость... Стоит пытаться понять своего ребёнка и то, что движет его поступками. Как говорится, что посеешь, то и пожнёшь. Придя к старости, родители пытаются манипулировать взрослыми детьми, обижаясь и требуя к себе любви. Кому-то не понравятся мои слова, но как можно получить обратно и ждать того, что в своё время не вложили? Вот такое длинное и философское получилось предисловие, а роман-то, впрочем, о любви, перипетиях жизни, отношениях и чувствах.

Глава первая

– Ва-а-ася! Ва-а-аська! Василиса! – из-за угла дома показалась тучная фигура матери, в руке она держала неизменную скакалку. – Ах ты, паразитка... ах ты, дрянь такая! Вот уж получишь сейчас по заднице, так получишь! – орала женщина на весь небольшой посёлок, неожиданно углядев непослушное чадо, сидящее на бетонном козырьке соседнего подъезда.

Завидев разъярённую родительницу, девчонка опрометью бросилась в узкое окно, спрыгнув на лестничную площадку и не забыв при этом прихватить облезлого, блошистого котёнка из-за которого она в общем-то и совершила сей опасный подвиг. А дальше дело за быстротой реакции и скоростью ног! Не успела женщина опомниться, как мимо стремглав пролетело белобрысое создание, считавшееся её собственной дочерью...

Папка очень хотел сына, а мама... как оказалось позднее – никого не хотела, но по воле судьбы родилась она – девочка... Василиса. Или коротко – Васька, так ласково называли друзья-товарищи. Что взбрело в голову родителям дать такое необычное имя, остаётся загадкой, но как позже призналась мать, решила отличиться ото всех родственников, которые девочек неизменно называли Танями, Олями, Ирами... Сама же кликала не иначе как Вася или «лошадь большая».

Почему лошадь? Да кто ж его знает... От лошади у маленькой разбойницы разве что острые коленки да долговязые ноги, худенькая, белобрысая, с вечно ободранными коленями и локтями и огромными синими глазищами.

Родительница, будучи по молодости стройной и симпатичной девахой, выйдя замуж после родов сильно расплылась. Характер имела нетерпимый, постоянно всем недовольная, брюзжала и ругалась на каждом шагу и по любому поводу. Рука же, под которую дочка попадала с настойчивой регулярностью, была у неё весьма тяжёлая. Почему-то так сложилось, что за свою несчастливую жизнь та пыталась отыграться на ребёнке, вымещая всю злость и обиду. Женщина сама родилась и выросла в голодное послевоенное время в многодетной семье, воспитывалась в строгости, а родителей до самой их смерти называла на «вы», так у них было принято. Васька же, видимо подсознательно, своим детским умишком чувствовала неприятие от матери и тянулась к отцу, пытаясь стать хорошим сыном, которого тот так хотел иметь. Трусики носила только чёрного или тёмно-синего цвета, ведь остальные цвета суть девчоночьи, платья позволяла надевать на себя лишь по большим праздникам, а в остальное время носилась по двору в трениках и футболках. Девочкой подобное создание можно было назвать разве что с большой натяжкой – сорванцом росла отъявленным, грозой для всей местной шпаны и близлежащих садов и огородов. Дралась не по-детски, защищая себя и слабых, ну и, со-

ответственно, не раз получала тумаки, хотя взрослым никогда не жаловалась. Ещё совсем малявкой благодаря отцу достаточно прилично играла в русский бильярд, ловила рыбу в местной речушке и рассекала по поселковым улицам на мопеде, пугая местных старушек на лавочках, вызывая охи-ахи и пересуды. В друзьях числились одни пацаны, с которыми играла в войнушку, лазая по старому полуразрушенному кирпичному дому и рискуя «поймать» кирпич на голову. Носилась с оравой таких же сорванцов, гоняя в футбол и вывалявшись по самые уши в грязи. Взрывали карбид в бутылках, переводили стрелки на железной дороге, удирая от разгневанного машиниста... Несмотря на то что мать лупила её, хулиганку, как сидорову козу, причём ежедневно и очень даже болезненно, раннее детство казалось наполненным яркими впечатлениями и безоблачным счастьем.

Отца Васька обожала, всюду таскалась за ним хвостиком, старалась быть полезной во всём – помогала ремонтировать мопед, основательно перепачкавшись с ног до головы, собирала на местной поселковой дороге гаечки и болтики, с довольным видом притащив раздобытое богатство. А он уже тогда стал прикладываться к бутылке, вечерами до самой глубокой ночи пропадая в гаражах с такими же любителями спиртного. Девчонка же крутилась рядом, неимоверно довольная уже тем, что не прогоняют!

Детский сад запомнился стойким отвращением к варёной моркови и болезненным чувством незащитности; там в де-

вочке не только унизили маленького человечка, но и породили комплексы, сохранившиеся в отношениях с мужчинами уже во взрослом возрасте. Случилось же следующее. Во время тихого часа Васька... описалась! Ну бывает, с кем не случалось? Приснилось ей, что сил никаких нет терпеть – так сильно хочется в туалет! В своём сновидении поднялась с кровати, как и положено, пошла и уселась на горшок. Увы, лишь только во сне, в итоге напрудив в кровать. Воспитательница, крайне разгневанная, принялась громко кричать и стыдить провинившегося ребёнка, после чего, не придумав иного наказания, поставила беззащитно голый в угол на обозрение всей группы.

– Васька – зассыха! – глумились безжалостные мальчишки.

– Ой, она наверное маленькая совсем!/? Хи-хи... писает в кроватку! – ехидно показывали пальчиками девочки, сбившись в кружок.

Мучительное чувство позора пришлось пережить Василисе в течение получаса, стоя перед ребятами в чём мать родила. Щупленькое тельце с острыми лопатками покрылось мурашками от пронизывающего холода, отопление как назло отключили из-за какой-то аварии на местной станции. Ссутулившись и опустив голову, прятала глаза от стыда, закусив дрожащую от обиды нижнюю губёнку и прикрывая ладошками интимное место. Сдерживая навернувшиеся слёзы, горестно выслушивала ядовитые насмешки со стороны дети-

шек. Полностью беззащитна. Не убежать и не скрыться...

Девчонке шёл восьмой год, когда мать отправилась в роддом за сестрёнкой, наказав строго следить за папашей и докладывать о поведении того в её отсутствие. А отец-то, к слову сказать, был видным мужчиной, деревенской закваски и с непомерной гордыней, непонятно на какой почве взращённой, ведь и по специальности не начальник какой-нибудь хоть самый мальский, а обычный рабочий на птицефабрике местной. Характером твёрдый и упёртый, но спокойный – ровно до тех пор, пока не напьётся и не начнёт цепляться к жене, провоцируя на ссору. Скандалили же родители громко, заставляя Василиску от страха прятаться в дальний угол квартиры, забиваясь за кровать.

Наконец, проведя подробный инструктаж, мать отчалила, и уже тем же вечером предприимчивый мужчина торжественно преподнёс дочурке презент – сетчатую капроновую авоську, заполненную банками со сгущённым молоком в металлических синих баночках, в то время – страшный дефицит!

– Василиса, это тебе! – хитро произнёс, видя заблестевшие в предвкушении глаза ребёнка. – Только чур, уговор! Матери не будет семь дней, каждый день ты можешь лопать по одной банке, но за это... пообещай мне помалкивать и не докладывать о том, что папа... ну... пиво пил?! Хорошо?

Ну кто же от такого подарка откажется?! Не раздумывая ни минуты, с превеликой радостью согласилась на сделку и

каждое утро, доставая лакомство из сумки и проделывая две дырочки в крышке, с наслаждением сосала сладкое тягучее молоко.

Вскоре вернулась маман, важно неся перед собой пыхтевший и сопевший кулёк из одеяла, красиво перевязанный огромным розовым бантом. Василиса стояла в сторонке и наблюдала, как, положив на диван, разворачивают пополнение. Оказавшись на свободе, новорождённая вмиг покраснела от натуги, надула пухлые щёки и разразилась громким басовитым криком! Кучерявый чуб из чёрных волосиков недовольно трепыхался вслед воплям, а карие, почти чёрные глазёнки узкими щёлочками смотрели настороженно и с явной претензией на эксклюзивность.

– Какая... хорошенькая... – улыbnулась девочка, пытаюсь осторожно прикоснуться к новорождённой.

– Не трожь! Ты руки мыла?! – категорично отодвинула её в сторону мать. – Вот теперь нянкой у нас станешь, как только подрастёшь немного.

А подросла, получается, уже месяцев через шесть. Васька же, говоря по правде, не горела желанием возиться с сестрёнкой, улица и друзья-товарищи привлекали её несравненно больше, к тому же с этой осени девочка пошла в первый класс, вступая в новую жизнь, в которой свободного времени и на развлечения-то оставалось совсем немного.

Всё детство девчонки было наполнено приключениями,

Васька имела невероятные способности создавать их буквально на ровном месте! Тайфун, стихийное бедствие, ураган... Все эти эпитеты были вполне применимы и к ней! Для матери же – как прыщ на попе... Вроде как свой, но неудобства страшные доставляет. Дочка росла проказницей жуткой, каждый раз доводя мать до белого каления и заставляя хвататься за широкий отцовский кожаный ремень!

В тот раз, наказанная за какую-то очередную шалость и лишённая прогулки, Васька изнывала от скуки в гордом одиночестве, запертая на входной замок. Так сказать, под домашним арестом. Жили они на последнем этаже пятиэтажного дома, вчетвером в тесной однокомнатной квартирке, это уже позже переехали в соседний дом, получив двухкомнатную квартиру, а сейчас сидеть в четырёх тесных стенках оказалось слишком тоскливо, потому от нечего делать вышла на открытый балкон. Наблюдая за казавшимися совсем крохотными на дальнем расстоянии прохожими и с ветерком носящимися по двору на своих великах детьми, откровенно страдала и завидовала им. Не велосипедам, конечно, а детям... Наступило жаркое лето, пора долгожданных каникул, первый класс позади, потому и вдвойне обиднее казалось девчонке получить наказание, пусть и заслуженное... «Уж лучше бы отлупила...» – дулась она на мать. Природа радовала буйством красок, всё утопало в зелени и запахах цветущих растений. Друзья, не дождавшись верную подружку, убежали на пруд купаться, прихватив автомобильные ка-

меры вместо кругов, а та просто изнывала от безделья и ду-хоты.

– Эй! – слышалось откуда-то сбоку.

Повертев головой и никого не обнаружив, Васька замерла и настороженно притаилась, попой чувствуя новые приключения.

– Ты тоже одна, что ли, дома? – поинтересовался невидимый собеседник.

Наконец девочка углядела у самого пола в узкой щели под пластиковой перегородкой, разделяющей соседние балконы, любопытный глаз.

– Ага! Одна! А ты... кто?!

– Андрюха я... Мои все ушли, а мне скуууучно! – жалобно протянул сосед.

– Хочешь... сейчас к тебе приду?! Вместе поиграем? – моментально, без лишних раздумий, с воодушевлением предложила Василиса.

– Как это... придёшь-то? Меня ведь заперли! – страдальческим голосом прошептал мальчик.

– Так и меня тоже... Не бойсь, я мигом! – обрадовалось «стихийное бедствие», подтягиваясь на хлипком ограждении и перекидывая ногу на внешнюю сторону балкона.

А этаж-то был пятый... Случайная свидетельница из дома напротив, затаив дыхание, с невероятным ужасом наблюдала из своего окна за акробатическими выкрутасами восьмилетнего ребёнка. Девчонка, ухватившись за тонкую, опас-

но дрожащую под руками перегородку, забралась на перила двумя ногами. Постояв чуток, перекинула одну ногу на соседний балкон, на пару минут зависнув в воздухе на огромной высоте и лишь еще крепче уцепившись за скользкий пластик. Затем, подтянувшись всем телом, попой сползла к соседям! Встав на твёрдую поверхность, Васька оказалось перед изумлённым взглядом белобрысого щупленького мальчишки, года на два старше её самой.

– Опа! Привет! А вот и я! – довольно воскликнула она.

– Здорово! А тебе совсем не страшно было? – тот с уважением поглядывал на отважную девочку.

– Не-а, подумаешь! Чего бояться-то? – чуток задрала нос от важности.

Совместное времяпрепровождение настолько понравилось обоим, скрасив вынужденное затворничество, что в дальнейшем новоиспечённая подружка ещё несколько раз удосужилась таким нестандартным способом сходить в гости, пока матери не доложили о дочкиных проделках, описывая способ перемещения к соседям очень живо и эмоционально! Влетело тогда юной гимнастке по первое число, а многострадальная попа ещё долго пылала яркими полосками, встретившись со скакалкой, навсегда отвадившей её хозяйку от сего опасного подвига!

А ещё Васька в раннем детстве была страшной рёвой, но самое примечательное – слёзы распускала и отчаянно выла, размазывая сопли по лицу, только перед маманей, а во

дворе слыла небывалой атаманшей! И ведь знала, шкодница, что опять провинилась, а случилось сие ежедневно, поэтому, предчувствуя наказание, только лишь подходя к своему подъезду и поднимаясь по лестнице, начинала жалобно глосить. По мере приближения к дверям квартиры отчаянный плач набирал обороты, и, как отработанная до автоматизма реакция в ответ на завывания, моментально появлялась родительница с неизменным отцовским ремнём в руках. Затащив рёву за шкуру в узкий коридор, мать метелила почём зря по голым ляжкам и тощей заднице! Девчонка крутилась юлой, уворачивалась и визжала благим матом, тем сильнее заводя разъярённую мать! Не выдержав отчаянных детских воплей, соседи начинали возмущённо стучать в стену, наверняка решив, что бедного ребёнка забивают насмерть, хорошо хоть милицию не решались вызвать, потому как шуму Васька создавала гораздо больше, чем получала пилюлей...

Но тем не менее, как бы безумно ни боялась девка побоев, строгие наказания от проказ её не останавливали! Назло что ли, делала? Гораздо эффективнее получилось у матери воздействовать на дочку всеобщим осуждением, заставив краснеть от стыда. Первый такой урок Василиса получила, когда ещё и в школу не ходила. В тот раз плутоватые друзья спровоцировали, решив, как обычно, взять подружку на «слабо»...

Многочисленной чумазой ватагой они ввалились в местный магазинчик, торгующий всем подряд, кроме разве про-

дуктов. В стеклянной витрине посреди зала, будоража желанием немедленного обладания, соблазнительно смотрелись выставленные на обозрение детские игрушки. Армия полиэтиленовых солдатиков, расставленная строем, будто рвалась в бой. Рядом красовалась эскадрилья крошечных самолётиков – тот же пластик, причём выполненный незатейливо и грубо, но для детворы – немыслимое богатство. Железный пистолет, совсем как настоящий, искушающе поблёскивал чёрной краской... почему-то оранжевые овечки и красные лошадки... Но совсем не это столь сильно привлекло внимание компании!

– Васька, а слабо вытащить вон ту игру? – толкали девчонку в бок вероломные подстрекатели, указывая на приоткрытую коробочку с разноцветными фишками в прозрачном пакете.

– Наверное, этого никто не сможет... – задумчиво протянул самый мелкий, сосредоточенно ковыряя грязным пальцем в носу.

«И кто, интересно, посмел сомневаться в моих способностях?! Это мне-то не под силу? Ха!» – подойдя поближе, внимательно оглядела «сейф», высматривая слабые места. Обнаружив небольшую щёлочку, придвинулась плотнее к стеклу и засунула пальчик вовнутрь. Ширины хватило. Зацепив плоскую коробочку, медленно... миллиметр за миллиметром аккуратно подтянула к себе, развернула стоймя и ловко вытащила наружу. «Вуаля! Есть!» – схватив добычу, броси-

лась наутёк. Игру с ребятами поделила по-братски, расценив свои действия как забавную авантюру, но вовсе ни как хищение. Возможно, что всё бы так и осталось «шито-крыто», если бы, придя с работы, мать совершенно случайно не обнаружила в дочкином кармане несколько элементов от игры и не устроила сию же минуту допрос с пристрастием. Ну и Васька, конечно, тут же раскололась, заранее завывая волчонком. Короче, как по сценарию, – сопли, слюни, слёзы... Но не тут-то было! Бить в этот раз маленькую разбойницу, как ни странно, не стали, а волоком потащили через весь посёлок признаваться в страшном грехе! И вот посреди торгового зала на виду у покупателей, захлёбываясь крокодильими слезами, размазывая их грязной ладошкой по лицу и оставляя тёмные разводы, девчонка, стыдливо переминаясь с ноги на ноги и опустив голову, просила прощения у продавщицы... Урок тот усвоила на всю оставшуюся жизнь, и чужое для неё стало отныне табу! Вот такая росла Васька-Василиса... лошадь большая, как называла её мать... чисто оторва!

Проживала девочка с семьёй в небольшом посёлке городского типа, застроенного панельными пятиэтажками и расположенного на самой границе с одним из центральных городов России, совсем рядом с Финским заливом. Вроде как не деревенские жители, но и горожавостью своей похвастаться не могли. Соседство с огромным мегаполисом не вызывало у Васьки никаких чувств, потому как бывать там прихо-

дилось всего лишь считанное количество раз. Да и привыкла она, не ведая другой жизни, к простору, близлежащим лесам, свежему воздуху и волюшке-вольной, где детей выпускали гулять без опаски. Сейчас же посёлок погружался в ночную темноту, тускло светились редкие фонари, люди готовились ко сну, задёргивая поплотнее шторы. Отец с работы ещё не вернулся, а Василиса, глядя на ползающую по ковру младшую сестрёнку, заранее паниковала, предчувствуя, что и на этот раз выпастись не получится. Отношения между родителями не ладились, мужчина всё чаще и чаще приползал домой «на рогах», а ставшие ежевечерними ссоры частенько заканчивались дракой, битьём стёкол и летящей в стены хрустальной посудой. Васька приближение дебошира к дверям квартиры каким-то нюхом чувствовала заранее, сжимаясь от страха перед надвигающейся грозой, а сердечко её билось частой дробью, словно у зайчонка. Скандал, как правило, разгорался с подачи отца. Пытаясь вывести из себя кажущуюся невозмутимой супругу, усаживался на ковёр посредине зала прямо в грязной рабочей одежде и начинал строить дикие гримасы, злобно рыча и скрипя зубами. Да-да! Именно рычал, устрашающе сверкая белками глаз! Женщина старалась не обращать на невменяемого особого внимания, занимаясь своими делами, а тот прицеплялся к детям, устраивая шумные игры, заканчивающиеся всегда одинаково плохо – воплями и слезами крохотной сестрёнки, в очередной раз свалившейся на пол и больно ударившейся, как пра-

вило, головой.

Сегодняшний вечер не стал исключением, и не успел батяка явиться с работы, чуть держась на ногах от изрядного подпития, как события стали развиваться словно по накатанной.

– Оставь детей... – удерживала себя на грани спокойствия мать, пытаясь утихомирить мужа.

– Чё? Не нравлюсь, да?! – тут же завёлся с полоборота, как будто того и ждал.

Слово за слово, и вспыхнула очередная душераздирающая, страшная сцена. Схватив первое, что попало под руку, а подвернулся как назло большой деревянный ящик из-под детских игрушек, топорно сколоченный им же самим, разъярённый мужчина начал крушить всё вокруг. Порезавшись об острые стёкла раскуроченного серванта, заливал кровью, бьющей фонтаном в разные стороны из порванных вен, мебель, обои, их всех... Страшные крики, вопли и визги били по ушам!

Девчонка, не впервые оказавшись в подобной ситуации, была наготове. Подхватив на руки младшую сестрёнку и крепко прижимая к себе упитанную «тушку», бросилась наутёк! У неё, похоже, стало входить в привычку в одной ночной сорочке скрываться у соседей, которые зачастую просто-напросто не открывали двери, боясь за себя.

Вот и на этот раз никто их не впустил, как ни умоляла Васька, судорожно давя на кнопки звонков. Поэтому на смерть перепуганной, с малышкой на руках, ей пришлось

бежать на улицу под покров темноты, прячась в скверике у детского сада, клацая зубами от холода и страха... Наконец появилась зарёванная мать в разорванном домашнем халате, придерживая трясущимися руками ворот с оторванными пуговицами. Кликнув девчонок, с опаской выползших из укрытия, поспешила с ними к родственникам на другой конец безмятежно засыпающего посёлка. Местные знали друг друга в лицо, и происходящих событий утаить от сограждан было попросту невозможно. Таким образом, к страху за свою жизнь у девочки добавились новые для неё чувства – жгучий стыд за родителя и унижительность их положения. Вот с тех самых пор Васька, папина дочка, перестала уважать и любить отца, с самого её рождения являвшегося для неё незабываемым кумиром, и возненавидела всё, что связано с алкоголем. Мать почему-то терпела хулигана, сохраняя семью, в милицию на того заявлять не спешила и разводиться не торопилась.

Наконец-то закончился очередной, второй по счёту, учебный год, а впереди ожидали целых долгих три месяца летних каникул и полной свободы, которые Васька предвкушала заранее, готовясь к отъезду. Через пару недель в сопровождении ворчливой тётки по отцу всю ребятню – собранных вместе двоюродных братьев и сестёр – кучей отправляли в глухую деревню к старенькой бабуле, а билет для Василисы уже поджидал на полочке, среди прочих документов. Девочка тайком от матери вытаскивала и с любопытством рассмат-

ривала заветный картонный прямоугольник, дающий право проезда в плацкартном вагоне. Состояние полной свободы и бесконтрольности вдали от дома – вот что чаяла обрести она на летнее время!

Конец мая радовал хорошей погодой, солнышко припекало, каждое утро заставляя просыпаться немыслимо рано из-за вредного яркого лучика, проскальзывающего мимо шторы и упорно бьющего прямо в лицо. Потянувшись всем телом, Васька сбросила одеяло на пол, лениво раскинув руки-ноги на широкой кровати, услышала ставший привычным негодующий монолог, доносившийся из соседней комнаты:

– Где мои чулки, твою... мать?! – громкое выражение недовольства вперемешку с нецензурной бранью означало начало нового дня.

«Всё понятно... мама собирается на работу...» – сонно констатировала девочка.

– Мам... – вскочила вдруг с кровати и, пока женщина не ушла, поспешила к ней. – У нас на экскурсию деньги собирают! – Мероприятие решила организовать неутомная классная.

Но, видимо, просьба прозвучала, как обычно, не вовремя...

– Опять деньги... кругом одни деньги... как будто я резиновая... – разворчалась родительница. – Вечером напомни... И не убегай далеко, после обеда приезжают родственники из Ярославля, не хочу за тебя краснеть, как в прошлый

раз!

А в «прошлый раз» Васькой оказались недовольны по причине её диковатости. Ну не любила девочка целоваться с многочисленными дядюшками и тётушками по маминой линии! Хоть убейте – терпеть не могла! И их восторженное сюсюканье: «Ах, какая ты уже совсем большая стала! Ну давай мы тебя расцелуем!» – заставляло пятиться назад, вызывая огромное желание сбежать куда подальше. «Вот уж... любители-целовальщики нашлись... потом помаду от их поцелуев стирай с лица...» – пыхтела Василиса.

– Вася, не позорь меня! Быстро подошла к тёте Оле (Зине, Кате и т. д.) и обняла-поцеловала, как положено воспитанной девочке! – грозно смотрела на ребёнка мать.

Та нехотя подходила и подставляла щёку, после чего демонстративно долго и упорно тёрла её ладошкой. «И в кого она такая бука?» – изумлялись понаехавшие в гости родственники.

Но на этот раз несносная девчонка умудрилась превзойти самоё себя и все немыслимые вполне оправданные опасения! С помощью уговоров и затрещин Ваську всё-таки вынудили надеть летнее розовое платье с многочисленными оборочками. «Фу... какая гадость! Оно же девчачье!» – возмущалась сквозь зубы девочка, недовольно морщась. Белоснежные гольфы с бантиками по бокам завершали образ принцессы. Мать соорудила из длинных белёсых волос дочери немудрёную причёску в виде конского хвоста, ожесточён-

но стягивая пряди на висках, так что глаза у той стали узкими словно у китайца. Жалобно хныкая от подобного изуверства, Васька получила указание сидеть смирно, поджидая гостей. Только таким, единственно верным способом женщина надеялась сохранить в целостности приличный вид проказницы до приезда родственников и показать неугомонное чадо во всей красе! Ну-ну... свежо предание... Девчонка, будучи по характеру слишком активным ребёнком, в нетерпении ёрзала попой по стулу, с большим трудом терпя вынужденную неподвижность.

– Ма-а-ам... ну ма-а-а-ам... – ныла она. – Отпусти меня рядом с подъездом постоять! Я никуда не уйду, чесн слово!

– Нет! – испуганно рывкнула та. – Сиди и жди!

– Ну ма-а-а-ам... ну пожа-а-алуйста... я только на лавочке тихонько посижу и всё... – продолжала гундосить, действуя на нервы, зануда.

– Хорошо... только никуда не убегать! – наконец не выдержала и сдалась родительница. – В подвалы не лазать, собак не трогать, к велосипеду не приближаться!

Довольная до невозможности Василиса вылетела на улицу, но на одном месте спокойно устояла ровно три минуты.

– Васька, привет! Пошли с нами, чего покажем! – тут же откуда ни возьмись материализовались знакомые мальчишки.

– Неее... не могу... гостей жду... – ответила, слегка колеблясь.

– Да ладно тебе, тут рядом! А ты чего вырядилась, как кукла?

– Счас... как дам... куклу! – зарычала, двигая на них со сжатыми кулаками.

– Ну перестань, брось, шутим ведь... Пошли? – не унимались приятели.

Девчонка переминалась с ноги на ногу, с великим трудом удерживая себя от соблазна – и хочется, и колется... Взглянув наверх в сторону своего окна, где за занавеской мелькал силуэт матери, погрузилась в тяжкие раздумья и одолевавшие сомнения: «Я же всего на минутку... одну лишь малюсенькую такую секундочку... никто и не успеет заметить... Тем более мама говорила только про подвал, собак и велосипед... про мальчишек она ничего не сказала!» – вполне резонно решила она, тем самым поставив окончательную точку в своих мучительных колебаниях.

– А ладно, пошли! – двинула за ребятами в сторону стройки. Ватага дружной толпой приблизилась к строительной площадке.

– Во, смотри, что нарыли! – гордо указали ребята на огромную бочку из-под гудрона.

– Ну и чё? – разочарованно произнесла Васька... «И стоило из-за этой ерунды так рисковать, уходя от дома?» – подумала вдруг.

– Как чего?! Смотри какая здоровенная! Мы тут поспорили, кто сможет в неё забраться...

– А что в неё забираться? Делов-то... раз-два – и там!

– Ага, думаешь так легко?!

– Да запросто!

– У самой-то кишка тонка?! Молчи, девчонка! – то было явное подстрекательство...

– Это мне-то слабо?! Это я-то... девчонка?! – возмущённо разошлась оскорблённая донельзя негласная атаманша, ведь на кон оказался поставлен заработанный в трудной борьбе авторитет, и тут уже вопрос принципа, хочешь или не хочешь, а лезть придётся!

В ту же секунду, никто и глазом моргнуть не успел, подставив находившийся неподалёку деревянный сколоченный ящик, кузнечиком взлетела наверх и спрыгнула вовнутрь воюющей металлической ёмкости. Показав восторженной толпе язык, намереваясь повторить обратный путь, но вылезти, как выяснилось, оказалось куда мудрёнее – стенки бочки скользили от растаявшего на солнце гудрона!

Пусть и не без потерь, но наружу выбраться всё же сумела. Домой Васька шла, скорбно опустив голову, понимая что огребёт сейчас от матери по полной программе, хотя на этот раз призывно завывать на лестничной площадке передумала. Шла будто на эшафот! Зоя Космодемьянская, не иначе...

В ответ на нерешительный, этаким робкий звонок дверь тотчас открылась, и приветливое выражение на лице матери, ожидавшей увидеть долгожданных гостей, стало меняться прямо на глазах. Обнаружив на пороге вымазанное с головы

до ног в чём-то чёрном и липком чудовище, совсем недавно являвшееся вполне симпатичной девочкой, она казалось, потеряла дар речи... Девственно чистой осталась разве что резинка на волосах. Собрав на голову «дряни худой» все нехорошие слова и не решаясь дать затрещину, дабы самой не испачкаться, женщина загнала смоляное чучело в ванную комнату, стянула безвозвратно испорченное платье, подкрепляя своё действие угрозами во всевозможных карах, и под монотонное завывание (типа – уже можно!) стала смывать вонючую, намертво въевшуюся массу при помощи керосина. Далее в ход пошли различные растворители, ацетон и прочие ядрёные жидкости...

– Лошадь большая, а не девочка! – возмущённо шипела мать, опасаясь хлопнуть дочку по слишком уж грязной заднице.

Как Васька умудрилась так капитально измазукаться – остаётся загадкой, но гудрон оказался аж в трусах и между ног. Избежать наказания, на что втайне надеялась девочка, ей всё же не удалось, помилования не случилось. Запал разгневанной родительницы, впрочем, заметно поутих после оживлённой встречи с подросшими гостями, а экзекуции чисто в воспитательных целях методом постановки голыми коленками в угол на крупную, рассыпанную на полу соль, за отсутствием в доме гороха, подвергли уже ближе к ночи.

Ох, если бы то было досадной случайностью, ан нет... инцидент тот – лишь один из показательных примеров в бес-

конечной чередой проказ и проделок непоседливой девчонки, сопровождающих всё её детство. После подобного безобразия отмечались и падения в открытые люки, и прыжки с крыши сарая на укрытые под снегом огромные осколки стёкол, стоявшие торчком и оставившие глубокие следы порезов на ладонях. Памятным красовался шрам на спине промеж лопаток от укуса огромной беспризорной собаки. Зарубку о себе в виде рваного отпечатка зубов на большом пальце левой руки, оставил и деревенский полудикий жеребец... В общем, не ребёнок, а сплошное наказание!

Тем не менее училась Василиса хорошо, и, как ни странно, замечаний на плохое поведение от учителей практически, за редким исключением, не поступало. Став постарше и проявив инициативу, самостоятельно пошла и записалась в различные спортивные секции. Мать вздохнула свободнее, теперь уж всю нереализованную за день энергию озорница оставляла в зале, достигнув немалых успехов, а тренеры девочке сулили серьёзные перспективы, связанные со спортом.

Любила ли дочку женщина? Наверное, по-своему любила, но слишком болезненной сестре, что казалось самой Ваське несправедливым, доставались ласка, нежность и внимание, ей же – лишь подзатыльники, физическое наказание всем, что попадётся под руку, и постоянная фраза: «Ну в кого ты такая?! Все дети как дети, а ты... лошадь большая!» И ни одного разочка ведь не запомнила, чтобы мама обняла, приласкала и сказала, что любит её. Потому ещё с тех самых пор

усвоила раз и навсегда – любовь надо заслужить! Просто так, ни за что, это чувство не дарят, а сама по себе, такая какая она есть, получается, недостойна его!

«Мамочка... мамуля... Ну за что же ты меня так? Наверное, по-другому не умела выражать свою любовь... Сама оказалась недолюбленная и недоласканная в детстве... А мне так не хватало душевного тепла и понимания от тебя...» – с горьким сожалением, повзрослев со временем, размышляла Василиса, тем не менее вполне осознавая насколько с ней тогда было нелегко несчастной женщине. Осмысливая и анализируя поведение матери, считала, что та совершила громадную ошибку, добиваясь безоговорочного послушания лишь при помощи побоев и криков, лишив самого главного – любви, ласки и душевной близости, не желая или не умея выслушать и понять своего ребёнка... Первые попытки поделиться своими детскими проблемами закончились неудачно; стоило Ваське только начать, ответ слышала один: «Сама виновата! И не жалуйся!» Ну она и перестала... вовсе прекратила откровения, отстаивая своё достоинство с помощью силы, решив, что в этой жизни защиты со стороны ждать не придётся. Ежели у Василисы со сверстниками случался конфликт и родители тех приходили с жалобой, женщина никогда не принимала сторону дочери; даже не выслушав, та априори считала ту виноватой. «Не плачь, не бойся, не проси» – с таким девизом вступила девочка во взрослую жизнь, а пока...

Билет на поезд, как уже упомянули, дожидался своего часа, до отъезда остались считанные дни. Эти летние месяцы, как и все прошедшие начиная с пятилетнего возраста, Василиса провела у своей обожаемой бабули в Вологодской области, папиной мамы. Пожалуй, лишь там девочка чувствовала себя по-настоящему счастливой, получая то, чего не хватало от родителей, а именно – безусловную любовь. Старушка искренне обожала всех своих многочисленных внуков без исключения, казалось, не выделяя любимчиков и не обделяя никого. А чем можно себя занять в глухой деревеньке аж целых три месяца? Само собой, носились по округе словно молодые жеребята, шала и хулиганя, – как без этого?! Васька охотно помогала пасти коров одноногому Николаю, молодому мужчине и к тому же местной достопримечательности, потерявшему конечность по пьяному делу и за неимением другого вида заработка за сущие гроши устроившегося работать пастухом. Верхом на вредничающем жеребце трудилась на сенокосе – прицепив импровизированные волокуши, подтаскивала сено с дальних делянок к стогу. С местными ребятами гоняли на стареньком, дребезжащем мотоцикле, готовом в любую секунду развалиться до состояния запчастей. Собирали грибы, которых в округе, буквально в нескольких десятках метров от домов, вырастало великое множество, а грибников – раз, два да обчёлся. Плескались в местном пруду, крайне заросшем и грязном, предназначенном, впрочем, лишь только для водопоя скотины. Вечерами

же, собравшись шумной компанией, гоняли в футбол, играли в лапту, городки, прятки, либо резались в карты, в подкидного дурака, оккупировав огромный сколоченный из досок стол под развесистой черёмухой во дворе. Деревенька носила статус вымирающей, была совсем крохотной, всего в несколько дворов, и проживали-то в ней в основном одинокие старухи. Полноценных семей, состоящих из крепких баб и мужиков, имеющих кучу отпрысков, в наличии было всего-то три или четыре. Тем не менее поселение именовалось, как ни странно, колхозом, в собственности которого находился свой скотный двор на три десятка коров и конюшня с двумя крепкими, приземистыми лошадами и одним диковатым жеребцом. Зимой жизнь деревенская затихала, лишь узкие тропки, протоптанные посреди огромных сугробов, напоминали о том, что жители не вымерли, а, больше того, продолжают работать, ухаживая за скотиной, да сизоватый дым непрерывно валил из печных труб над берестяными крышами неказистых домов. С наступлением весны народ оживал, как жуки, выползая на свет, почувствовав, припекающее солнышко, и начинал возню в приусадебных огородах. Летом же жизнь в деревне, наполненной разновозрастной ребятнёй, доставленной со всего Союза на побывку к своим бабушкам, и подавно кипела ключом. Дедушек, как ни печально, не осталось ни одного на всю деревню. Все давно померли, и мало кто из них по старости – одни не вернулись с войны, другие расстались с жизнью по собственной

дурости – по пьянке утонув в пруду или отравившись водкой.

Избушка у их бабы Кати выглядела игрушечной – с узорными наличниками, как и положено, с резным палисадником, расписным крытым крыльцом, огромными сенями, небольшой горницей, сеновалом и самым жилым помещением, разделённым русской печью и деревянными перегородками на две комнаты; маленькую закуток-кухоньку и огромную прихожую-столовую. Чистота, сколько себя Васька помнит, всегда безукоризненная, яркие самотканые дорожки покрывали полы, иконы по всем углам и... запах! Незабываемый запах русской печи и пирогов!

Бабуля их – маленькая, сухонькая, сгорбленная, но не по возрасту шустрая старушка – передвигалась, точнее ковыляла, что получалось быстро-быстро, при помощи неказистой клюшки, вырезанной дедом Иваном, её мужем, много лет назад из старой коряги. Колено ещё по молодости, ненароком наступив ей на ногу, повредил колхозный жеребец, с тех самых пор она и хромала. Молчунья, слова лишнего не скажет, лишь подслеповатые глаза светились искренней любовью, выражая гамму чувств в зависимости от поведения внуков, которых на летние каникулы ей поставляли целой гурьбой. Детям же у неё позволялось всё, что не являлось угрозой для жизни, чем проказники неизменно пользовались, носясь по деревне чумазые и несказанно довольные! Не пропустив и дня, баб Катя каждое утро вставала ровно в четыре утра и пекла в русской печи пышные дрожжевые

пирог да на всю ораву томила в огромном чугушке кашу со светло-коричневой корочкой – из-за вкусной пенки между ребятей постоянно происходили шумные споры и ссоры. Наевшись от пуза, компания срывалась с места и убегала на целый день до вечера. Никто не принуждал их обедать в строго отведённое время, не возбранялось, что и делали, прибежать в избу, налить в огромную глиняную кружку молока, кринки с которым рядами стояли в сенях и призывно манили пенкой из жирных сливок. Самые нахальные, Василиса из их числа, тайком проходились указательным пальчиком по всем ёмкостям, собирая в рот густой верхний слой. Схватив огромный кусок пирога, жадно проглатывали, запивая холодным молоком, и неслись на улицу. Вечером же всю гвардию ждал ужин. О, это была сказка! За огромным рубленым столом на вдоль стоявших струганных лавках, подтягиваясь с гулянки, рассаживалась вся детвора. Перед ними выставлялась большущая миска с деревенским наваристым супом, в котором плавали ароматные куски мяса, и не менее огромная сковорода с жаренной до хрустящей корочки картошки с грибочками. Каждому рту выдавалось по ложке, вилка и тарелка у бабули почему-то не имелось, и тут – кто не успел, тот опоздал! Подгонять и уговаривать никого не приходилось, только треск стоял за ушами! Затем на стол взгромождался огромный угольный самовар и приступали к чаепитию. Вроде бы все и так наелись от пуза, но отказаться от ритуала, глядя на поданное угощение, сил недо-

ставало. Тут и домашнее варенье всех сортов, плошки с дешёвой сельской карамелью, густая сметана, мёд и широкие блюда со всевозможными пирогами, каждый день разными: румяные ватрушки с рассыпчатым творогом, преснушки со свежими ягодами, фирменные бабушкины пироги с пшеном или рыбой, свежей капустой или рисом с яйцом. Больше всего Ваську умиляла стеклянная вазочка с большим кусковым сахаром и щипчиками для колки – чай деревенские пили вприкуску. Наконец, отвалив от стола с набитыми животами и громко пыхтя, убегали играть в лапту, догонялки или прятки. Уже совсем поздно вечером возвращались, все как один грязные и продрогшие, отмывались в корыте и забирались отогреваться на печку. После чего с замиранием сердца, при свете лишь одной керосиновой лампы, слушали неведанные доселе сказки, рассказываемые монотонным приглушённым бабушкиным голосом: «Все в деревне спят... одна бабка не спит... мою шёрстку прядёт, мою лапу грызёт... у-у-у-у!» При последних словах, произнесённых грозно и с придыханием, внуки визжали от страха, ещё плотнее прижимаясь друг к другу, а потом, лёжа в полной темноте, высунув нос из-под одеяла, тайком наблюдали, как баб Катя в длинной льняной рубаше до пола, повязав на голову ситцевый платочек, подкрутив колёсико лампы и подправив фитиль перед старинными образами в «красном» углу, долго молилась, неслышно шепча что-то и поминутно крестясь, совершая земные поклоны и утыкаясь лбом в деревянный

крашенный пол. Старушка была чрезвычайно набожной и истинной праведницей.

Иконы у бабы Кати висели по всей избе, а величавые лики святых, казалось, смотрели на всех строго и немного с укором. Только взгляд Господа Иисуса Христа, как Василисе казалось тогда, выражал огромную любовь и сострадание, присутствовало в нём что-то такое... завораживающее и умиротворяющее. Лик Пресвятой Богородицы светился изнутри кротостью и милосердием, был полон невероятной доброты и исходящей чистоты. Взирая на него, девочка подсознательно чувствовала, что именно такой взгляд выражает материнскую любовь...

– Бабушка, а Бог есть? – как-то спросила она.

– Есть, Василинка, – спокойно и уверенно ответила та.

– А почему я его не видела? Где он?

– Он в твоём сердце, родная... главное – научиться слышать его голос...

Васька была совсем маленькой, когда бабуля впервые взяла внучку с собой в церковь. Почему-то именно её одну. О том эпизоде Василиса знала лишь по рассказам взрослых, сама же очень смутно вспоминала происходящее.

Ранним утром вместе с собравшимися соседками-старушками шли они пешим ходом через устрашающе тёмный лес в соседнюю деревню к утренней службе. Трава, мокрая от ночной росы, неприятно холодила босые ноги. Туфельки несла в холщовой котомке, дабы не извозить в грязи посреди лес-

ной тропы, вытоптанной непуганными дикими животными – лосями да кабанами. Очень хотелось спать. Просто жуть как сильно... Васька тёрла глаза и зевала каждую минуту, широко открывая рот и спотыкаясь на ходу.

При входе в храм девочке наконец позволили надеть сандалии, повязали на голову ситцевый платочек и торжественно ввели в помещение. Народу оказалось на удивление немало, в основном древние бабульки, все как одна в длинных тёмных юбках и с покрытыми головами. Служба уже началась, и опоздавшие встали с краю. Копируя других, Василиса пыталась неумело креститься и совершать поклоны, но через какое-то время топтание на одном месте ей надоело и она потихоньку отошла в сторонку... шаг за шагом удаляясь всё дальше. На девочку никто не обращал внимания, и та бродила промеж молившихся, разглядывая иконы, зажжённые свечи, росписи на стенах... А потом вдруг внезапно испугалась, потеряв из виду бабу Катю! Завертевшись юлой под ногами прихожан, поспешила на поиски, поминутно заглядывая в серьёзные в своей торжественности лица и готовая сию же минуту разрыдаться, но тут наконец, к своему облегчению, увидела знакомую худенькую спину и на радостях бросилась к ней! Подскочив сзади, что было силёнок уцепилась тоненькими ручонками за ноги замершей в трепетном экстазе от величавой службы старушки и громко заверещала:

– Бубулечка моя!

Дальше случилось неожиданное, даже неприятное. То

оказалась совсем не её бабушка, а вовсе чужая, которая от неожиданности и испуга вдруг потеряла сознание – бесшумно и без единого слова, закатив глаза, она плавно завалилась на пол и застыла, широко раскинув руки. Окружающие засуетились, приводя пострадавшую в чувство, а Ваську с тех пор почему-то перестали брать на службу... От греха подальше.

Следующее посещение храма выдалось, только когда девочке исполнилось лет девять. Событие происходило весьма знаменательное – крестили двоюродного братца Саньку, младшенького – два года разницы у них было. Парень по сравнению с пигалицей Василисой выглядел весьма здоровым – маленький кабанчик такой и жуткий обжора. Девчонка стояла в сторонке и прыскала от смеха в кулак, наблюдая, как батюшка пытается приподнять откормленного мальчугана, дабы окунуть в купель хотя бы головой. После завершения обряда детей завели в алтарь, причём из всех присутствующих почему-то их двоих. Немолодой священник, подав ребятишкам по маленькому металлическому расписному стаканчику с кагором и по кусочку просфоры, отошёл по своим делам, опрометчиво оставив их вдвоём.

– Фи... – скривился братец, лизнув напиток.

– Чего «фи»? – изумилась Васька. – Не нравится? Давай тогда мне!

– Ага, бери! А ты мне свою булочку, ладно? – тут же устроил сделку Саня.

На том и порешили – одна выпила две дозы вина, а дру-

гой запихнул в рот дополнительную просфору. Осуждать их не стоит, что взять, ведь детьми неразумными были... Неизвестно, каким образом на подобный бартер отреагировало небо, но с тех пор брат с сестрой стали не разлей вода...

А пока что время стремительно мелькало листочками календаря. Васька быстро росла, доставляя матери немало волнений и устраивая очередную проказу, за что, соответственно, тотчас удостоивалась порки, явно не шедшей хулиганке на пользу; вразумления не помогали. Отец продолжал регулярно прикладываться к бутылке, периодически бузя и заставляя близких спасаться бегством. Сестрёнку, к радости Василисы, наконец-то отдали в детский садик, та хоть и отличалась спокойным характером, но вредная была просто до безобразия. Васька втихаря от матери пыталась по-своему научить уму-разуму мелкую противозу, но все эксперименты заканчивались чувствительными оплеухами ей же самой, отвешиваемые строгой родительницей по доносу ябеды-сестры.

Ликование охватывало Василису при окончании очередного учебного года, ведь впереди вновь ожидали длительные летние каникулы у любимой, обожаемой бабули, где с гиканьем носилась по деревенским окрестностям, отыскивая приключения на свою многострадальную попу.

В тот год девчонке не исполнилось и одиннадцати, а двоюродному Сашке, упорно таскавшемуся вслед за проблематичной сестрой с огромным куском батона, щедро посыпан-

ным сахарным песком, и полными карманами кускового сахара, всего девять лет.

– Васька, хочешь?! – от всей души пытался поделиться братец своими запасами.

– Хватит жрать, хомяк! А?! Скоро глаз будет не видеть из-за щёк!

– Пока толстый сохнет – худой сдохнет! – неизменно парировал тот.

– Да ты похоже раньше лопнешь! От обжорства! – хохотала в ответ.

Братишка на самом деле достался Ваське ещё тот подарочек! С самого раннего детства ей приходилось защищать нытика от мальчишек во дворе, а потом и от старших ребят в школе, которые с непонятым наслаждением пытались надавать пацану пенделей.

– Васечка! Меня опять тот полудурочный Серёга задирает! – размазывая слёзы по толстым щекам, подкатывал к девочке Саня.

– Ну что ты вечно ноешь? Сдачу давать тебя не учили?! – возмущалась она.

– Так он же из шестого класса! – справедливо отмечал братец, который учился всего лишь в третьем, а Василиса, получается, в четвёртом классе. В школу она пошла позже обычного – с восьми лет.

– Горе ты моё... пойдём! – выдвигалась на разборки девчонка и, как ни странно, всегда выходила победителем!

Мальчишка платил старшей сеструхе искренней любовью и привязанностью, хотя та, по совести говоря, и сама издевалась над трусом изрядно, пытаясь выработать в парне смелость. Сейчас же у неё были дела поважнее, задание получила ответственное...

– Брысь! – отмахнулась от пацана. – Я за грибами сгоняю! Баб Катя просила к ужину насобирать! – схватив корзину, девочка припустила за околицу в сторону густого леса.

Как взрослые одних детей в лес отпускали – уму непостижимо! В тех местах и взрослые-то мужики блудили сутками, опасаясь ходить в одиночку, ведь зверьё там водилось нешуточное – медведи, кабаны, лоси, рыси....

– И я с тобой! – завопил братишка, торопливо натягивая сапоги и бросаясь следом.

– Только я тебя умоляю... Не ной! – зыркнула на того синими блюдцами глаз Васька.

«Куда идём мы с Пятачком большой-большой секрет! И не расскажем мы о нём, о нет, о нет...» – маршируя, напевала юная грибница. «О да! О да! О да!» – поддакивал пыхтевший позади и наступающий на самые пятки братец. Зрелище со стороны выглядело комическим – долговязая белобрысая тощая девчонка с толстой косой до пояса решительно выкидывала вперёд длинные голенастые ноги, а следом шумно дышал, пытаясь не отстать, небольшого росточка толстячок-пацанчик, в одной руке державший плетёную корзинку, а другой запихивающий в рот огромный кусок булки.

Ребята отошли от дома километра полтора, шлёпая по песчаной дороге, когда вдруг неожиданно увидели в нескольких метрах перед собой выскочившего бурого медвежонка. Тот с любопытством потянулся в сторону людей.

– Ой, Васька, смотри какой хорошенький! – заорал Саня, от изумления открыв рот.

– Стой! Не двигайся! – приказала девочка с испугом водя головой в разные стороны, ожидая увидеть маму медвежонка.

Предчувствие не обмануло. Медведица не заставила себя долго ждать: появившись вслед за дитём и угрожающе зарывчав, встала перед перепуганными ребятами на задние лапы во весь свой огромный рост. Оскал зверя – из приоткрывшейся пасти сверкнули желтоватые клыки – вызвал у застывших в оцепенении детей панический ужас! Не поворачиваясь к зверю спиной и ухватив братца за рукав, Василиса стала потихоньку отступать. Очень медленно и осторожно, не делая резких движений. Один шаг... два... три... И тут медведица внезапно кинулась по направлению к ним! Нервы девчонки не выдержали, пронизывающий страх охватил её, глаза расширились от нешуточного испуга, и, отбросив уже ставшую ненужной корзинку в сторону, позабыв обо всём на свете, и про Сашку, кстати, тоже, что есть мочи, стремглав, припустила прочь! Только пятки босые сверкали и мелькали острые коленки, когда та, казалось, не касаясь земли, неслась по направлению к дому. Адреналин плескался, букваль-

но зашкаливал, в крови, заставляя выжать из организма все возможные и невозможные резервы! Тренер по лёгкой атлетике из секции, где занималась девочка, оказался в данный момент рядом и включив секундомер, оказался бы крайне удивлён немыслимым результатам забега!

– Васичка! – неслось сзади. – А-а-а-а-а! Подожди меня! – это вопил неспешающий за сестрой Санька, в один момент позабывший и про недоеденный батон, и про «сокровища» – из его битком набитых карманов на дорогу сыпался кусковой сахар. – Ва-а-а-а-а-а-а-а-а, по-о-о-одо-о-о-жди-и-и-и-и! – орал как недорезанный.

Какое там подожди? Мальчишка зря надеялся, что и в этот раз старшая сестра бросится ему на помощь или хотя бы чуть притормозит. Перепуганная насмерть Васька, похоже, ничего не соображала, охваченная приступом жуткого страха! Только ветер свистел у неё в ушах, когда летела прочь от опасности, высоко подбрасывая ноги, а братец коlobком катился сзади, судорожно пытаясь ухватить сестру за подол сарафана. Скорее всего, и трагедии никакой не произошло бы, ведь взрослой медведице догнать ребятешек трудностей не представляло, но цели похоже, такой не имела, а всего лишь хотела припугнуть незадачливых грибников, хотя они и так натерпелись страху нешуточного!

Перепрыгнув горной козой через хлипкую изгородь, сколоченную из тонких брёвен и отгораживающую деревеньку чисто символически, дабы скот не разбежался, Василиса в

изнеможении скатилась в глубокую канаву и затаилась, шумно дыша и дрожащими руками прикрывая рот, как будто опасаясь быть услышанной. Следом с громким треском, круша тонкие жерди, танком вломился Саня и, натужно пыхтя, тяжело свалился сверху. Наконец оба бегуна отдышались и осторожно высунули носы из своего более чем ненадёжного укрытия, с опаской оглядываясь по сторонам. Никого. В отдалении, как ни в чём не бывало, продолжали мирно жевать траву колхозные бурёнки, пастуха на горизонте не наблюдалось.

– Васька, ты почему меня не подождала? – вдруг прорезался голос у обиженно надувшегося мальчугана.

– Отвали... – недовольно огрызнулась девчонка, крайне расстроенная за своё, как сама считала, недостойное поведение. – Ну вот... И без жареных грибов всех оставили... И корзины посеяли... – глухо сокрушалась она.

Скорбно вздохнув, молчком выбралась из заросшего колючей травой углубления и, не желая никого видеть в этот неприглядный и позорный для себя момент, нога за ногу отправилась бродить по, казалось, вымершей деревне...

Полдень. Солнце стояло высоко и нещадно припекало. Старушки попрятались в прохладе изб. Братец, чему Васька вовсе не удивилась, по привычке верным пажом потащился следом:

– Вот... сестра называется... бросила меня... – противно зудел и ныл себе под нос, чрезвычайно действуя девчонке на

нервы.

– Слушай, заткнись, а?! – не сдержавшись, взорвалась она.

Сашка, дабы не нарываться, зная крутой нрав сестрёнки, миг замолк и лишь обиженно засопел, стараясь не отставать ни на шаг. Неспешно прогуливаясь, парочка вдруг ненароком оказалась аккурат возле одного из заброшенных бревенчатых домов, в котором когда-то проживало семейство Зуевых. Те некоторое время назад покинули достаточно крепкое хозяйство и отправилась на поиски лучшей доли в город, оставив отчий дом доживать свой век в одиночестве – желающих покупать строение в глухой деревне не сыскалось.

– Мяу-у-у.... – вдруг послышалось откуда-то совсем рядом, словно из-под земли.

Ребята замерли, с любопытством прислушиваясь. Мяуканье повторилось, но на этот раз как-то глуше и жалобнее, словно из последних сил взывая о помощи.

– Сань... ты слышишь? – остановилась девочка, стараясь не дышать и пытаясь понять, откуда раздаётся звук.

– Чё слышу? Где?! – удивился пацан, завертев чубом по сторонам.

– Да не чё, а слушай! Жуй пореже, тогда треск за ушами не помешает!

– Чего жуй-то? У меня и нет ничего... – демонстративно похлопал по пустым карманам тот.

– Мяу-у... мяу-у... – тоненько и пронзительно прозвучало вновь.

– Тссс... – сделав предупреждающий жест, Васька встала на ободранные коленки и, вроде ищейки, поползла в сторону доносившегося душераздирающего вопля.

Передвигаясь на четырёх конечностях и продираясь сквозь разросшиеся заросли жгучей, девственно нетронутой крапивы, девочка возмущённо шипела сквозь зубы, потирая моментально вздувающиеся и неприятно зудящие волдыри. Наконец вплотную приблизилась и упёрлась лбом в сруб дома, со стороны которого располагалась пристройка отхожего места. Попросту – туалет. Пристально вглядываясь, к своей радости, обнаружила узкую щель размером с ширину детской ладони и, влекомая любопытством, с азартом сунула в неё свой дотошный нос.

– Фуууу.... – тотчас сморщилась от шибанувшего в лицо мерзкого запаха застоявшихся фекалий.

Тем не менее, девочка успела заметить, что где-то глубоко внизу, метрах в пяти ниже уровня земли, аккурат посреди дерьма барахтается крохотный котёнок и при этом, разевая рот, отчаянно пищит! На поверхности оставалась лишь перепуганная мордочка; слабые от усталости лапки из последних сил пытались выгresti. Всё указывало на то, что долго тот не продержится.

– Кис-кис... – позвала девочка, зажимая нос пальцами и сдерживая подступающую тошноту.

– Мяууу! Мяяяу! – в ответ послышался явный призыв о помощи на грани отчаяния и неприкрытого страха.

– Дурачина ты маленькая! – изумилась Васька, искренне переживая за несчастное животное. – И как тебя угораздило там оказаться?

Бедолага, услышав человеческий голос и разом обретя надежду на спасение, замыкал ещё громче и горестнее! Как он умудрился свалиться – непонятно, видимо через эту же узкую щель, и сколько времени боролся за выживание – одному Богу известно.

Санька сидел, открыв рот, и с надеждой взирал на сестру. Та не подвела. Не мешкая больше ни секунды, не теряя драгоценного времени, Василиса бросилась домой и, забежав в сени, торопливо сдёрнула с крюка увесистый моток с толстой верёвкой. Обратно, боясь опоздать, неслась как умалишённая, спотыкаясь на бегу. Операция по спасению несчастной животины началась. Всё оказалось совсем не просто, как предполагалось в начале, и промучилась девочка изрядно, спасая страдальца. Просунув один конец каната в щель, попыталась опустить его поблизости от котёнка, но либо трос не попадал в намеченное место, либо сам бедняга, наконец-то изловчившись и уцепившись за верёвку, вдруг срывался посредине подъёма. В конце концов, когда Васька совсем уж было отчаялась, перемазанный вонючими отходами комочек шерсти оказался в безопасности. Стоя на твёрдой земле на тоненьких подгибающихся лапках, котенок испуганно тарашил глазёнки и пищал, дрожа от перенесённого стресса, представляя собой весьма неприглядное зре-

лице: щупленький, со слипшейся шерсткой, он больше напоминал крысёнка, а исходящее амбре собрало вокруг него полчище жирных зелёных мух, которые, не разбираясь, видимо за компанию, шустро атаковали и самих добровольных спасателей. Понимая, что на этом её миссия не закончена, девчонка притворно вздохнула и потащилась за корытом. Тщательно отмыв котёнка при помощи хозяйственного мыла, спёртого из незапертой бани, и вылив на вонючку не один тазик воды, но так и не избавившись от резкого запаха, затем, закутав в полотенце, тайком припёрла кота в избу, прямо на русской печке из блюда напоила молоком и пристроила напрочь обессиленного страдальца спать...

В этом поступке просматривалась, как на раскрытой ладони, вся Васькина сущность и открытая душа. Сострадательное, участливое отношение к слабым и беззащитным являлось частью её противоречивой натуры. Ведь, несмотря на озорство, девочкой росла доброй и жалостливой. Знать, потому личный ангел-хранитель и оберегал от страшных последствий неугомонную искательницу различных приключений, регулярно попадавшую в опасные для жизни ситуации. Бабуля, обнаружив несогласованное появление нового жильца, слова против не сказала, но каково было всеобщее удивление, когда приبلудыш впоследствии превратился в огромного пушистого котяру, став отличным мышеловом! Не собиралась Василиса и про встречу с медведями распространяться, но братец моментально выложил, красочно расписы-

вая происходящие события, приврав маленько, не без этого, и лишь о вероломном предательстве с стороны сестры промолчал. «Видать, чует, поганец, что придётся не раз за помощью обратиться...» – усмехаясь, сделала вывод девочка, в который раз выслушивая новую версию событий в лесу. В пятом по счёту пересказе из уст Саньки медведей стало уже много больше, наверное, столько их во всём лесу не сыщется, и в размерах они ну... значительно увеличились! «Во, заливают пацан! Врёт, словно сивый мерин!» – вовсю веселилась Васька, но почему-то с каждым повествованием в новой интерпретации пережитый страх незаметно таял.

Всё хорошее почему-то имеет свойство быстро заканчиваться, и как ни прискорбно, но пришла пора возвращаться домой. Набив картонный чемоданчик нехитрыми вещичками, ставшими тесноватыми за лето, девчонка со вздохом сожаления устроилась на телеге. Рядом с ней, словно стайка чирикающих воробышков, расселась оставшаяся ребятня. Внуков всем скопом, чтобы уж за один раз, «эвакуировали» домой в сопровождении ворчливой тёти Веры. Та поминутно покрикивала на непоседливых племянников и незлобно жаловалась на свою нелёгкую долю: «Как что, так сразу Верка, будто я самая свободная!» – это она сердилась на своих родственников, снарядивших именно её за отпрысками. Повозка мерно покачивалась на неровной лесной дороге, а миролюбивая, невероятно спокойная и всеобщая любимица гне-

дая лошадка Белка не спеша трусила в сторону железно-дорожной станции, нервно прядя ушами в ответ на взрывы хохота позади себя.

По приезде домой их ожидал сюрприз! Точнее, сюрприз ожидал их родителей, потому как сами ребята с поселенцами в своих волосёнках познакомились много раньше, пытаясь вытурить непрошенных гостей при помощи густого гребешка, расстелив перед собой листы старых пожелтевших газет, в избытке хранившихся на чердаке толстыми пачками, и устроив что-то вроде соревнования между собой – кто больше выловит сих тварей! Сейчас же мать лишь возмущённо охнула, обнаружив у дочки – и это перед самым началом учебного года, – весьма неприятный довесок в виде полчища копошившихся вшей! Шевелюра уже тогда у девчонки отросла достойная – густые русые волосы опускались ниже лопаток, а отдыхая у бабы Кати, Васька как заплетала косу с утра, так с ней и носилась по деревне целыми днями, не распуская. Бултыхались с ребятами в грязном водоёме, полном головастика и тины, ныряя с головой. Тут же, перепачканные липкой грязью, спасались от слепней совхозные бурёнки, стоя по самое пузо в воде... Полная идиллия! «От подобного безобразия не то что вши, но и крокодилы заведутся ненароком!» – узнав причину, ворчала женщина.

Мать шипела и глухо возмущалась, смазывая дочкину гриву керосином. Закончив процедуру, обмотала той голову клеёнкой, поверх полотенцем и приказала сидеть смирно

целых... полчаса!

– У-у-у-у-у! – причитала Васька. – Снимай скорее! – жалобно ныла, не выдерживая «пытки».

Насекомые, будто почувствовав приближающуюся кончину, злобно кусались и скакали как оглашенные, устроив гонки с препятствиями, а девчонка с диким рёвом, подпрыгивая от нетерпения, носилась по всей квартире, из комнаты в комнату, с остервенением скребя пальцами тюрбан на голове и поскуливая, словно собачонка.

– Не трожь полотенце! – орала мать, видя, как то сейчас сползёт с головы дочери. – Не смей, я сказала!

– Всё, не могу-у-у бо-о-ольше! Снима-а-ай! – визжала та.

Усилия не пропали даром, и к первому сентября все мерзких тварей обезвредили, а Василиса примерной девчонкой-одуванчиком с огромным букетом багровых гладиолусов перед собой пошлёпала на школьную линейку, торжественно неся на голове огромные белые банты, привязанные к двум пушистым белокурым хвостам из блестящих волос, пристраиваясь к своему 5-му «Б» классу.

– Привет, Васька! – обрадовались встрече одноклассники.

– Как дела?

– Что нового?

– Как отдохнула?! – вопросы сыпались со всех сторон.

– Шшшш... – приструнила ребят классная. – Успеете наговориться! Всем стоять смирно и рты закрыли!

Закончилась праздничная линейка, а следом первые три

урока. Всё вроде как замечательно, но Васька была бы уже не она, проведя день без приключений! Тем более до вечера ой как далеко... И вот, вся такая праздничная и красивая, в кружевном белоснежном фартучке, новеньких туфельках и покамест белоснежных гольфах, забрав по дороге младшую сестрёнку из детского садика, не торопясь возвращалась домой. Ну, если честно сказать... они вовсе не спешили... Нисколько... Василиса крутила головой по сторонам, отыскивая вокруг перемены, произошедшие за время своего долгого отсутствия, и не обращая внимания на сестру, которая мирно шлёпала следом, нежно прижимая к груди любимого плюшевого медведя. Яркое светило и припекало солнышко, день был просто замечательный! Был... Самую малость девчонки не дошли до своей парадной, на пути следования столкнувшись с неожиданно возникшим препятствием. Ну что за безобразие? Одни искушения для ребятни, тем более такой, как непоседливая проказница Васька!

– Вася... там море! – раздался позади голос сестрёнки; девочка встала как вкопанная и ткнула пальчиком, указав на преграду.

– Сама ты... море! Тундра! – сморщилась Василиса, с возрастающим интересом разглядывая огромную лужу размером с небольшую детскую площадку.

Ничего сверхъестественного, впрочем, в происхождении этого самого «моря» не усматривалось – метеорит не падал, подземный ключ дорогу на поверхность не пробивал и даже

ливня не случилось за прошедшие полдня. Всё гораздо прозаичнее. Рабочие проводили экстренные работы по замене канализационных труб и, пригнав мини-экскаватор, вырыли яму, позже закидав ту глиной и оставив после себя вязкое месиво и огромную лужу диаметром в несколько метров, заполненную мутной водой.

Увидев помеху на своём пути, Васька озадаченно почесала затылок. Справедливости ради, обогнуть неожиданное препятствие не составило бы для девчонок ни малейшего труда, но... Она ведь не из тех героев, которые идут в обход?! Посему, строго настрого наказав малявке-сестре стоять на месте и не двигаться ни на шаг, отважно бросилась на штурм! Аккуратно перепрыгивая с камешка на камешек и таким образом продвигаясь вперёд, смогла достичь середины. Дальше переправа заканчивалась ввиду отсутствия кирпичей, а покорительница «морей», зависнув на одной ноге, запоздало поняла, что, пожалуй, погорячилась! Лихорадочно размахивая руками и пытаясь удержать равновесие, неожиданно оступилась, оказавшись в топкой грязи по колено. «Всё. Возврата нет. Только вперёд!» – решила она. Каждый шаг давался с неимоверным усилием, ноги увязали всё безнадежнее. Новенькие, первый раз надетые туфельки остались где-то в недрах «трясины», а передвигаться стало вовсе невозможно. Поэтому, плюнув на все условности и приличия (ха, кто бы о них говорил? Васька?), она плашмя, прямо во весь рост плюхнулась на брюхо и с помощью портфеля,

заполненного хрустящими, ещё вкусно пахнущими типографией тетрадками, подкладывая тот под себя в качестве упора, медленно, но верно принялась продвигаться к конечной цели... «Уф...» – наконец-то выползла на твёрдую землю, вывозившись по самые уши в глине и представляя собой тот ещё натюрморт! Рано радовалась...

– Васенька! Спаси меня! – слышались за спиной крики о помощи.

– О-о-о-о-о... – стремительно обернувшись, с ужасом в глазах разглядела копошившуюся в грязи ровно посередине того места, откуда сама буквально несколько секунд назад смогла вырваться с непосильным трудом, сестрёнку!

Ну и какой спрос с малявки? Той надоело стоять без движения, потому, решив повторить героический подвиг старшей сестры, девчонка рванула следом! Обречённо вздохнув, Василиса полезла обратно, выволакивая довольную проказницу на сухую поверхность, уже на пару с ней завязая в тягучем месиве из грязи и глины...

Как говорится – и смех и грех! Ну вот скажите, люди добрые, за каким лядом Васька потащилась через грязюку? Сущее недоразумение, а не ребёнок! Подвиг по спасению сестры, увы, по достоинству никто не оценил, а медаль за отвагу и мужество, проявленные при спасении утопающего, остались лишь в её собственном воображении. После того как две свинюхи, напроочь изгвазданные, перешагнули порог квартиры, на орехи досталось, что вполне справедливо, толь-

ко старшей, причём весьма ощутимо для попы – ярко-багровые полосы от ремня ещё долго напоминали о проступке!

Заслуженное ли наказание понесла девочка? «Несомненно! – ответите вы. – А как же иначе с таким кошмарным ребёнком следует поступать?» Тогда другой вопрос: приносили ли порки и затрещины положительный результат? Плоды исправления наблюдались? Как ни печально, но нет...

– У всех дети как дети! – исходила на слюну родительница, сверкая грозным взглядом, отчего сердце шкодницы, продолжавшей без умолку завывать, трепетало от страха и жалости к себе. – Одна ты у меня... лошадь большая!

«Отлупили и ладно, в первый раз, что ли...» – насупившись на мать, морщилась и потирала пятую точку «лошадь большая». Только память, видать, короткая у хулиганки на наказания была, хоть и ныла, но выводов соответствующих не делала. Карательные процедуры воспринимала словно естественное приложение к своему детству, не рассуждая и не анализируя законность сурового возмездия за свои шалости.

Но Васька выросла, и взгляд на происходящее вокруг неё вдруг стал меняться, крамольные мысли стали посещать её беговую голову. «Откуда берутся все эти правила и запреты? А всё ли так замечательно в этом самом мире взрослых? Почему родители и учителя для детей безоговорочный авторитет?» И ведь неспроста подобные размышления бурави-

ли мозг, для сомнений появились веские основания, а случившиеся в первой четверти неприятные инциденты с преподавателями, причём оба в один день, породили к тому же обострённое чувство справедливости, ставшее частью её натуры.

Уроки математики в классе вела тогда Инесса Вахтангова. Женщиной та слыла одинокой, причём напрочь – ни мужа, ни детей, ни родни мало-мальской в её близком окружении не наблюдалось. Массивная дамочка предпенсионного возраста и колоритной внешности: жгуче-чёрные волосы с проседью, жёсткий взгляд тёмно-карих глаз буравил, казалось, насквозь, выдающийся нос прямо указывал на национальность предков, а крупная, размером с горошину, бородавка на подбородке с торчащими из неё пружинками волос угрожающе шевелилась, стоило хозяйке открыть рот. Считала она себя глубоко несчастным человеком, а детей открыто не терпела, не пытаясь скрыть свои чувства к ним.

В тот памятный день скучно-монотонный голос Инессочки, как за глаза величали её ребята, периодически срывался на истеричные вопли в ответ, как сама полагала, на беспросветную глупость доставшихся ей учеников, причём всех как один бездарей. Хитроумная задачка у Василисы сегодня ну никак не желала решаться, а злобная училка склонялась всё ниже и ниже и вот уже совсем нависла внушительной грудью над белобрысой головой девочки.

– Ну неужели можно быть такой тупой? – над самым её

ухом шипела женщина, обдавая резким запахом терпких духов и несвежего дыхания.

– Я стараюсь... – прошептала Васька и, не сдержавшись, чуть заметно поморщилась.

– Ты чего от меня нос воротишь?! А?! – сорвалась на крик преподавательница. – Вот! Смотри сюда! Я твоей тупой башке персонально ещё раз объясняю! – тыкая указательным, толстым, словно сарделька, пальцем в тетрадку девочки, принялась пересказывать условия задачи.

Василиска съёжилась, испуганно вжав голову в плечи и абсолютно ничего не соображая. Вообще ничегошеньки! Более того, напрочь позабыв даже то, что отлично знала. Не дождавшись ответа, рассерженная Инессочка замахнулась большой деревянной указкой, которую держала в руках, и со всей дури шлёпнула по беззащитной макушке ученицы... Класс замолчал. Стояла гробовая тишина. У Васьки на глаза навернулись влага, образовав небольшие озёрца, сквозь которые синевой отражалась целая гамма едва сдерживаемых чувств – обида, злость, стыд... Не выдержав напора, ресницы дрогнули и по щекам девочки двумя тоненькими ниточками потекли ручейки слёз. Крепко закусила губу, до боли, чтобы не разрыдаться на виду всего класса. Чтобы она, школьная атаманша, и вдруг показала свою слабость?! Ведь на самом деле сейчас девочке было не так больно, как мучительно обидно. Её унизили! Прилюдно! «Ненавижу!» – злобно сверкнув глазами, едва сдержалась, чтобы не произ-

нести вслух. Сама всегда защищала слабых и незаслуженно обиженных, а тут и сдачи дать не могла. Не положено... ять его... по статусу!

Ну что за день такой сегодня выдался? Не успело детское сердечко отойти от горечи оскорбления, как к концу уроков её поджидало очередное бесчестье и унижение.

Ежемесячно со всех родителей собирали деньги на школьные обеды. Накануне Василисе выдали необходимую сумму, завязав купюры, чтобы не выронила ненароком, в чистый носовой платок, строго-настрого наказав не потерять и с самого утра передать классному руководителю! Девочка полдня просидела за партой как на иголках, то и дело проверяя сохранность ценного узелка. Подходящий момент выдался лишь ближе к обеду, когда наступила большая перемена. В классе стоял невообразимый шум и гомон, ребяташки носились друг за дружкой, со свистом пролетая мимо преподавательского стола.

– Так! Быстренько все успокоились! Я кому сказала?! Петров, ты у меня сегодня после уроков останешься! – пыталась урезонить разбушевавшийся класс классная.

Васька нерешительно топталась рядом, переминаясь с ноги на ногу, не осмеливаясь подойти к сердитому учителю.

– Что тебе? – раздражённо спросила та.

– Деньги... за обеды... – смущаясь пролепетала девочка и, разжав побелевший от напряжения кулачок, протянула смятые десятки.

Женщина машинально взяла бумажки, пересчитала и засунула в верхний ящик стола, забыв сделать отметку в учётной тетради. Прошло несколько дней, и классная, сверившись со списком, вдруг обнаружила наличие должника. Недолго думая, потребовала у девочки дневник, красной пастой написав внушение родителям: «Прошу оплатить питание ребёнку!»

– Василиса, подойди ко мне! – сухим тоном подозвала вечером мать.

– Да, мам... – пыталась понять, чем вызвано недовольство.

– Куда ты дела деньги, которые я просила передать Галине Ивановне?

В первый момент Васька даже опешила, крайне обеспокоившись подобным вопросом.

– Деньги? На питание? – искренне удивилась. – Как куда дела? Отдала ей... классной! На перемене...

– Да? Тогда ничего не понимаю... – озабоченно нахмурилась мать. – Ты мне точно не врёшь? Ну ка посмотри в глаза!

Васька смело шагнула вперёд и как можно убедительнее вытаращила глазищи, кажется, позабыв при этом моргать! И вот парадокс, впервые в жизни девочке поверили!

По стечению обстоятельств, именно в этот злополучный день родительница для разборок явилась в школу.

– Здравствуйте, Галина Ивановна! – обратилась она к классной. – Прошу прощения, но я не поняла, с чем связана

запись в дневнике. Василиса утверждает, что деньги передала лично в руки вам!

– Что значит – передала мне?! – моментально вспыхнула женщина, наливаясь краской негодования, покрывшей лицо, шею, грудь яркими пятнами. – Значит, вы решили поверить этой пигалице, а меня, заслуженную учительницу, унижить и обвинить в воровстве?

– Ни в коем случае вас не обвиняю, что вы?! Но в данной ситуации у меня нет оснований, чтобы не верить дочери... – немного стушевалась мать. – Может, вы всё-таки взглянете ещё раз и сверите общую сумму со списком?

– Да я... Да она... Да как вы смеете?! – разошлась не на шутку классная. – Вы просто не знаете детей! Да они врут, причём очень искусно, на каждом шагу! Да ваша дочь небось давно деньги эти истратила на сигареты или даже на пиво!

Во время происходящего промеж взрослых диалога весь класс тихонько стоял в сторонке, с интересом прислушиваясь к бурным дебатам.

«Пиво... сигареты...» – гулким набатом звучали в голове Василисы гнусные обвинения. В одиннадцать лет она и в мыслях своих не допускала ничего того, что ей инкриминировали. Да, пусть проказница жуткая! Пусть хулиганка неуправляемая! Тем не менее стержень в ней правильный имелся, и заслуга в том не родителей вовсе – нравственные принципы и ценности сложились в ответ на прочтение книг, которые глотала запоем, зачастую тайком, укрывшись с го-

ловой одеялом при свете фонарика. Кстати, мать увлечение дочки книгами не одобряла: «У тебя дел никаких нет, кроме как с книжкой среди бела дня на диване валяться?!» – в очередной раз застав девочку за чтением, ругалась она.

Ну что за безобразие?! Второй раз за день её унижают, причём незаслуженно! Тут впору любому человеку не выдержать и сорваться! «Какие же они всё-таки злые... эти взрослые!» – сжав кулаки, Василиса сделала шаг в сторону стола, готовая сию же минуту вмешаться, но тут подоспела неожиданная помощь.

– Неправда это! Васька не такая! – в один голос загалдели подступившие со всех сторон одноклассники. – И мы видели, как она деньги вам отдавала!

– А вы их в стол положили!

– А Вася отдавала!

– Я тоже видел! – кричал сосед по парте.

– И я! И я! – в унисон вопили ребята.

Шум поднялся невообразимый. Дети, перебивая друг друга, старались высказаться, дружно встав на защиту девочки.

– Так, быстро все вышли вон и не влезали, когда взрослые разговаривают! – приказала смутившаяся такой единодушной поддержкой учительница.

Бурча, класс нехотя покинул помещение. Василиса с матерью остались. Галина Ивановна нервно принялась пересчитывать деньги. Всё сошлось. Точнее, оказались лишние, как раз неучтённые, и именно в той самой недостающей сумме.

Копеечка в копейку. Классная, не скрывая досады, попыталась объяснить недоразумение:

– Не переживайте... Всё нормально. Понимаете, видимо закрутилась и не записала...

Вроде как всё замечательно закончилось – деньги нашлись, обвинения сняты, все счастливы и довольны, одно «но»... Перед девочкой извиниться никто так и не потрудились. Никому и в голову не пришла подобная мысль. «А ведь и правда – кто я такая.» – расстроилась Василиса – Лошадь большая...

«Да... А кто я такая?» – эта мысль утвердилась и чуть позже, когда со всей семьёй отправилась на недельку навещать бабушку с дедушкой, стареньких родителей её матери. Проживали те в огромном посёлке у самой окраины города Ярославля, где одноэтажные частные домики выстроились стройными рядами, а улицы назывались, что всегда очень удивляло Ваську, линиями. Отец с ними ехать отказался, предпочитая остаться дома без надзора супруги. Уже тогда их отношения с матерью были на грани разрыва, что не мудрено, учитывая пристрастие мужчины к алкоголю и буянистый нрав.

По приезде, выгрузили многочисленные котомки из такси и воодушевлённо шагнули за калитку, втаскивая за собой тяжеленные чемоданы с гостинцами. Каково же оказалось их удивление, когда обнаружилось, что они явились далеко не первыми гостями. Навстречу с распростёртыми объ-

тиями и шумными приветствиями высыпали памятные Василисе своими навязчивыми поцелуями тётушки и дядюшки. Опять лобызания, от которых девчонку попросту воротило, восторженные комплименты друг другу, сбивчивый обмен любезностями и новостями. Среди родственников оказалась и её младшая двоюродная сестрица. Разница-то в возрасте не столь существенная, каких-то два года, тем не менее статус старшей принуждал Василису придерживаться определённого свода правил, внушаемого старшими, под названием «права и обязанности», из которого следовало, что все пряники Зинке, а пинки, следовательно, Ваське. Девчонку факт присутствия сестрицы особо не обрадовал. Росли они и воспитывались с существенным отличием, да и по характеру, манере поведения были настолько разные, словно небо и земля. При взрослых же лишь изображали видимость доброго общения, придерживаясь правил хорошего тона, но негласное соперничество и неприязнь вот уже несколько лет, сколько помнила Васька, упорно сохранялись.

Зинаида родилась в семье военных. Красивая девчонка, с изящными чертами лица, тонкой аристократической косточкой и огромными, миндалевидной формы янтарными глазами. Матушка её, получив высшее образование, по ряду причин заделалась домохозяйкой, а отец, закончив военное училище и дослужившись до звания майора, мотался по гарнизонам, таская за собой семейство из города в город по всему Союзу. Последнее его назначение в Германию послужи-

ло поводом для скрытой зависти среди родственников. Дочка же вполне заслуженно являлась круглой отличницей, причём одновременно в двух школах — обычной и музыкальной, росла кокеткой и воображалой невероятной, выставляя себя этакой фифочкой. «Сливки общества и мадемуазель Кокко в одном флаконе... — кривилась, глядя на сестру, Васька, которую жутко бесило, что выскочка лезла во все серьёзные разговоры взрослых, куда их, других детей, не допускали и за километр. Воображала же всегда находилась в самом центре внимания, умничала с важным видом, а родители только восторженно охали да ахали от великой эрудированности одарённого ребёнка. На каждом шагу только и слышалось: «А вот Зиночка наша сказала... А вы знаете, какие перспективы пророчат нашей Зиночке преподаватели? Василиса, берись наконец за ум и бери пример с Зины!» и т. д., и т. п. Может быть, всего лишь зависть и ревность руководили чувствами девчонки к младшей сестре? Кто знает, вроде как завистью Васька никогда не страдала, но... Короче, не любила она задаваку!

Встреча прошла оживлённо, посидели за общим столом, наговорились, но тут вдруг приспичило родственникам фотографироваться, то бишь сделать огромное семейное фото на долгую память! Василису, которая уже успела перепачкаться, провозившись с собакой, посаженной на цепь, отправили умываться под стареньким облезлым рукомойником, смывать грязные разводы с лица. Мать яростно и не очень

любезно перевязала дочке волосы, привычно стянув в хвост резинкой под аккомпанемент жалобных повизгиваний девчонки от боли. Наконец все оказались готовы, дружно высыпали в сад, торопливо подгоняя детей, и расположились под огромной развесистой яблоней. Вроде, что может быть проще? Приготовились, улыбнулись, щёлк – и готово! Но и в этой ситуации не обошлось без очередного конфликта между сёстрами.

Васька в самый последний момент решила прихватить с собой приятеля, ну уж как без него такое событие важное запечатлеть? Выловив за сараем фыркающего и царапающегося серо-полосатого котёнка, с довольной физиономией пристроилась к родне. Достопочтенная толпа родственников, вполне правдоподобно изображая счастливое семейство, растянула рты в широких сладостных улыбках, а дядюшка с серьёзным видом взялся за профессиональную фотокамеру, чуть отступая и выбирая лучший ракурс, но... не тут-то было!

– Я то-о-о-оже хочу-у-у котё-ё-ёнка! – вдруг заверещала Зинаида, имитируя вселенскую скорбь, и в подтверждение очень достоверно тёрла ладошками глаза.

«Артистка...» – фыркнула Васька, прямо одним местом предчувствуя, что сейчас её скорее всего оставят без друга, поэтому лишь сильнее прижала кота к себе.

– Василиса, отдай котёнка Зиночке! – строго приказала мать.

– Нет. Он мой! – упрямо насупилась девочка.

Смелый, однако, поступок. За такое непослушание у себя дома схлопотала бы по шее, причём тут же, не отходя, так сказать, от кассы.

– А-а-а-а! У-у-у-у-у-у! – ещё громче завывла сестрица, размазывая вполне натуральные слёзы по щекам, но, как успела заметить Васька, делала та сиё весьма бережно, дабы не попортить красоту прелестного ангельского личика, ведь съёмки впереди никто не отменял.

Взрослые в надежде на скорую развязку нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Никому из них и в голову не пришло вступить за Василису, которая с угрюмым видом просто мёртвой хваткой вцепилась в перепуганное бесцеремонным обращением с ним животное. Родители Зинаиды, как ни странно, тоже помалкивали, видимо, считая претензии дочери обоснованными, лишь неприязненно посматривая на вредную племянницу. Короче, все молча ждали.

– Васька! Зараза такая бестолковая, я кому сказала, отдай кота! – стала закипать мать, понимая, что ожидают только их. – Живо! – и не слушая возражений, силой выдернула из рук дочки полосатика.

– Вот, Зиночка... Возьми, моя хорошая... Только не плачь! – передала царапающееся животное вмиг ожившей девчонке.

А у той уж и слёзы все разом куда-то подевались, как и не бывало! Просто в один момент засияла как ясно солнышко,

приняв кокетливую позу и мило прижимаясь щекой к мордочке котёнка.

«Ну точно... сущий ангелочек... Иначе тогда и быть не могло...» – с долей ехидства вспоминала инцидент Василиса, через пару лет внимательно разглядывая большую фотографию, с которой рядом с улыбающейся во весь рот сестрицей, смотрит такая вот бука... она сама, Васька. Родственники, лишь добавляя масла в огонь, ещё и осуждающе комментировали снимок:

– Смотрите, какая Зиночка хорошенькая получилась, а Василиса опять надулась, ну что за ребёнок такой?

«Ха! Только я смогла всё-таки добраться до альбома и пририсовать рожки и усы этой шантажистке! Правда, получила потом от матери затрещин...» – горестно вздохнула Василиса с чувством глубокой обиды на мать. «А я никакой не мучитель, а просто твой добрый учитель...» – пришли на ум слова детской песенки...

Тем же вечером сестёр уложили спать, как на грех, в одной комнате. Хорошо хоть не догадались в одну постель засунуть, а разместили по разным кроватям, стоявшим напротив друга друга на расстоянии метров пяти-шести, иначе последствия могли оказаться много печальнее. Примечательно, что Василиса, драчунья дворовая, на вредную сестру руку никогда не поднимала, но кто знает, насколько хватило бы её терпения, окажись та в непосредственной близости. Девочка уже засыпала, когда раздался едва слышный, осторожный и

весьма ехидный голосок с соседней койки:

– Васька – дура... Васька – дура...

Помня коварство интриганки Зинули, решила благоразумно смолчать.

– Васька – дура! Васька – дура! – прозвучало настойчивее и уже чуть громче.

«Вот зараза какая!» – возмутилась Василиса и, не сдержавшись, имела неосторожность повестись на провокацию и ответить:

– Зинка – дура... Зинка – дура...

– Ба-а-а-а-бушка! – вдруг неожиданно во всё горло заорала провокаторша. – А меня Васька душой обзыва-а-а-ет!

Звала та почему-то бабулю, но на призывы о помощи через несколько секунд, будто по сигналу тревожной кнопки, в комнату ворвалась Васькина родительница и, не разбираясь, кто прав, а кто виноват, молниеносно надавала шлепков по дочкиной заднице, причём на этот раз ни в чём не повинной, и с чувством выполненного долга скрылась за дверью. Девчонка в ответ на возмутительную несправедливость обиженно засопела и надулась, укрывшись одеялом с головой. Прошло минут пять, может, немного меньше.

– Васька – дура... Васька – дура... – ну это было уже сверхнаглостью!

Василиса не отзывалась, а сестрица всё не унималась, продолжая злорадно канючить, повторяя из раза в раз одну и ту же глупую фразу. «Заело её, что ли?» – усмехнулась девочка,

с трудом сдерживаясь, чтобы не встать и не врезать поганке по физиономии.

– Васька – дура... Васька – дура!

Ну и опять, будто последняя идиотка, не смогла совладать с собой и промолчать:

– Зинка – дура... Зинка – дура!

– Бабушка-а-а! А она меня опять ду-у-урой обзывает! – горестно завывала доморощенная артистка.

Появление разгневанной матери не заставило себя ждать, и всё повторилось точно по хорошо отработанному сценарию – несколько хлопков по голой заднице и последнее «китайское» предупреждение. Трудно поверить, но на эти же грабли Василиса умудрилась наступить ещё один раз, основательно заработав на сон грядущий «пистонов»...

«Вот так-то! – хихикала она, став взрослой девушкой и вспоминая комическую сценку во всей своей красе. Кто-то головой хорошо думает, включая вовремя мозг, а до кого-то лишь через задницу доходит, и то не с первого раза!»

Глава вторая

Всё когда-то кончается, и детство в том числе, а у Василисы оно осталось за разделительной чертой внезапно, когда девочке едва исполнилось тринадцать лет. Родители, бурно скандалившие между собой все последние годы, неожиданно развелись, а Васька как-то вдруг разом повзрослела, став серьёзной не по возрасту. Выглядела к тому времени вполне сформировавшейся девахой: крепко сбитая, что называется – кровь с молоком, высокая, стройная, румяная, с русой до пояса толстенной косой. Мать, чтобы поднять двоих детей, держала несколько огородов, а по выходным первым автобусом отправлялась на рынок, торговать всем, что удавалось вырастить. Старшая дочка оказалась незаменимым помощником, заимев разом целый список обязанностей по дому. Ну и огород, конечно, это святое – ежевечерняя поливка, прополка и прочие радости. Короче, свободного времени на развлечения у девчонки не оставалось. Отца же родственники по его линии поспешили пристроить, отыскав столичную невесту, и, не теряя зря времени, пока та не передумала, в одночасье женили. Мужчина, как это обычно бывает, и про дочерей разом позабыл, в скором времени уехав в другой город по месту жительства супруги, чтобы там строить другую семью, окунувшись с головой в новые отношения. Продолжал ли он и там выпивать, им было неизвестно, но тётушки

Васькины, сёстры его, горделиво хвастались, что брат живёт хорошо и всем доволен.

Но это случилось позже, а пока о произошедших событиях в семье, об уходе отца девчонка узнала неожиданно во время летних каникул, отдыхая у бабы Кати в деревне, как оказалось, в самый последний разочек. Испытала ли горечь или сожаление? Нет... что совсем не удивительно, учитывая, в каком тревожном состоянии ей приходилось находиться последние годы: пьянки и скандалы пьяного дебошира повторялись с завидным постоянством. Лишь жгучая обида разъедала душу на, как ей тогда представлялось, вероломного предателя...

Вот и сейчас, тайком убежав от понаехавших всем скопом отцовских родственников в сторону густого леса, начинавшегося сразу за околлицей, улеглась на спину в высокой густой траве и, глядя на проплывающие по небу лёгкие курчавые облака, углубилась в пространные размышления: «Интересно... А почему люди не летают... как птицы?» Подобный вопрос, наверное, каждый себе задавал хоть раз в жизни. Может, подсознание человека хранит информацию, что когда-то так оно и было, а наши совсем далёкие предки обладали такими способностями?! «Вот сейчас бы ласточкой взмыть над облаками и рвануть ото всех куда глаза глядят... – размечталась она. – А что там? Далеко-далеко? На других планетах?» – подобные вопросы стали интересовать её в последнее время, после того как прочитала книгу Кира

Булычова «Тайна третьей планеты» про путешествия Алисы.

«Интересно... А трудно стать писателем? Вот бы и я стала писательницей известной. И все бы мои родственники... мама... Зиночка.... Инессочка... классная наша... Все бы вдруг разохались и не поверили – неужели это та самая Васька?» – вдруг на минуту она представила свой роман. Почему-то в голову сейчас лезли мысли лишь про их семью... Картинки-образы стали складываться в голове, словно пазлы, слова и фразы сами собой стали выстраиваться в предложения, получалось больше похожее на легенду.

Раскинулась река широкая, пробив себе дорогу посреди полей, промеж лесов... протекая в дали неведомые. В одном общем течении соединились и мама, и папа, и две их дочери-сестрёнки. Высокие берега, будто верные стражи, не позволяли мощному потоку разлиться по сторонам, охраняя единство общего русла. Встречающиеся впереди неожиданные плотины бурлящий поток снёс с лёгкостью, словно пёрышки, те не представляли для столь сильного течения непреодолимых трудностей... Девочка на минуту задумалась. Внезапно поток-папа и поток-мама принялись спорить:

– Не прижимайся ко мне так тесно, тебе места, что ли, здесь мало? – ворчала мать.

– А я тут самый главный и сильный! Без меня бы давно течение встало! – бил себе в грудь поток-отец.

И чем яростнее они спорили, тем беспокойнее станови-

лось течение. Со дна реки стали подниматься на поверхность поначалу песок, затем мелкие камушки, следом при-
нялись всплывать брёвна, коряги, тина и ил... Оби́дый поток
забурлил в тревожном негодовании неистовым, угрожаю-
щим водоворотом.

— Ой, мне страшно! — завопил самый маленький пото-
чек-сестрёнка.

— Прошу вас, перестаньте! Вы сейчас берега все разруши-
те! — вторил поток постарше, то бишь другая сестра.

Только никто не слышал их сквозь шум бьющихся о сто-
нущие берега волн.

— Ну и ладно, раз ты со мной так... — надулся по-
ток-отец, мимоходом сорвав одно из яркоцветущих расте-
ний, вдоволь растущих у самой кромки воды. — Значит, сама
и гребь! Посмотрю, как одна справишься!

Растение то, будь оно неладно, оказалось дурман-тра-
вой, или, как называли его люди, «Ванька пьяный». Почув-
ствовав сладость цветка, от которого приятно закружи-
лась голова и все проблемы отошли на задний план, по-
ток-отец расслабился и просто наслаждался покоем, не де-
лая ни малейших усилий, чтобы придать ускорение общему
течению. При этом он не забывал регулярно срывать про-
израстающие в большом изобилии заветные цветочки, ко-
торых ему с каждым разом требовалось всё больше и боль-
ше, иначе окаянная совесть начинала долбить мозг, требуя
прекратить разгильдяйство и безответственность!

– Василиса! Васька! Быстро домой! – некстати раздался голос одной из тётушек. Та кричала, выйдя на околицу и приложив обе ладони в виде рупора к губам.

«Да фиг вам... – порешила сказочница, на минуту высунав нос и поспешно укрывшись в густых зарослях Иван-чая – Надоели они все со своими нравоучениями...» – она ощущала себя изгоем. Впрочем, об этом девочке не забывали напоминать буквально на каждом шагу «любимые» родственники, упорно шпыняя и критикуя трудноуправляемую пацанку. Двоюродных же братьев и сестёр у Василисы числилось великое множество, и, наблюдая как тётушки воркуют над своими чадами, она ощущала саму себя крайне обделённой. Таким гадким утёнком из известной сказки Андерсена. Сейчас же она притихла, искоса наблюдая за спешившим по своим делам толстым, ярко-полосатым шмелём. «Наверное, пить хочет, росу ищет... – почему-то решила она. – Ну, ныряй, дурачок, в цветок! Там точно вода есть!» Тот, словно услышав, вдруг изменил траекторию полёта и, громко жужжа, спикировал на ближайший бутон. После чего довольная насекомым, Васька смогла продолжить свои фантазии.

Сила течения то ослабевала, чуть ли не до полной остановки реки, затем, после жадного поглощения потоком-отцом опьяняющих растений, но уже целыми букетами, вновь набирала обороты, превращаясь в стихийное буйство, руша всё на своём пути. Берега осыпались, становясь всё ниже и ниже... Так продолжалось, пока за одним из самых крутых

поворотов, они не рухнули вовсе. В ту же секунду совершенно неожиданно русло разделилось надвое – наткнувшись на огромный камень, от них оторвался поток-отец, устремившись в сторону, прокладывая новую колею...

– Васька! Грёбаное отродье! Дрянь такая! Марш обедать, а то до вечера жрать не получишь! Отец приехал! – не умолкала зануда.

Но и на этот раз девочка не выдала своего присутствия, намеренно затаившись в высокой траве. Вот хоть убейте, но Ваське совсем не хотелось возвращаться в избу, чтобы выслушивать, как тётушки обсасывают причину развода и со всеми дотошными подробностями обсуждают родителей. И отца видеть сейчас ну совсем не желала. Зло и обида шипящим колючим комочком затаились глубоко в её душе, перерастая в глухую оборону.

С приближением сумерек, стоило вечеру тихонько подобраться, подкрасться легонько, темнотой укрывая дремлющую деревню, дышащие теплом печей дома, кроны деревьев и засыпающий луг, где укрылась девочка, только тогда жуть как голодная и напрочь закоченевшая Василиса наконец выползла из своего укрытия. В избу же вернулась, приняв этакий независимый вид и не обращая ни малейшего внимания на недовольно ворчавших в её адрес женщин. Сердобольная бабуля, вот уж истинная миротворица, тихая и незаметная, словно мышка, тихонько шаркая подошвами стареньких валенок по крашеным половицам, ни слова в упрёк не сказав,

увела продрогшую гулёну на крохотную кухнюшку и усадила на низенькую скамеечку рядом с подпечком. Васька прислонилась спиной к горячему боку побелённой кирпичной стены, блаженно вытянув ноги, и с превеликим удовольствием принялась уминать из закопчённой мисочки наваристые горячие щи, припрятанные специально для неё, вприкуску с огромным ломтём ароматного ноздреватого деревенского хлеба. С отцом разговора не получилось:

– Здравствуй, Василиса! – с этакой гордостью во взоре, важно бросил тот, увидев дочку.

– Здравствуй... – буркнула в ответ девочка, проходя мимо.

– Да что же это такое, люди добрые?! – завизжала тётка Вера, самая горластая из прочих. – Будто и не родные вовсе! Васька, тебя мать не научила разве, как с родителями и старшими себя вести следует?

– Отстаньте от меня! – разозлилась та, выскочив во двор.

– Ну чё за девка растёт... – закачала головой женщина. – Не обращай внимания! Вырастет, одумается! – попыталась поддержать брата, который недовольно хмурился, чувствуя себя оскорблённым собственной дочерью, причём перед сёстрами.

Последующий день не явился исключением, и девчонка снова набедокурила, умудрившись разодраться с двоюродным братцем Саней, вызвав ещё большее недовольство в

свой адрес со стороны всех присутствующих в момент безобразной сцены родственников.

Дабы предотвратить возмущение читателей, дескать «Разве порядочно обижать маленьких? И где же тогда это самое хвалёное чувство справедливости у девочки?» – следует пояснить, что Сашка, любимый её братишка, сегодня не являлся тем пинаемым всеми кому не лень колобком (хотя батон с сахаром изо рта так и не выпускал) и за прошедшие два года значительно подрос, вытянувшись в рост, а из упитанного кабанчика превратился в высокого здорового пацана. Несмотря на то что младше сестры парень был на целых два года, комплекцией превосходил ровно во столько же – в два раза!

Справедливости ради стоит сказать, что любила наша паразитка подковырнуть, вроде как ненароком, то бишь шуточки ради, задеть вполне безобидного мальчишку, придумывая разные мелкие пакости и измышательства: то и убранный внезапно из-под его усаживающейся попы табуретка, и провокация потрогать языком на жгучем морозе металлическую ручку на дверях подъезда, и многое, многое другое...

И чего же они тогда не поделили? С самого утра Василиса ощущала себя лишней на этом «празднике жизни». Отец вроде как демонстративно не обращал на дочку ни малейшего внимания. Вполне вероятно, видя ершистый вид девочки – словно ежонок, та выставила невидимые колючки, – решил сейчас не трогать дочь. Да и гордыни в мужчине с избыт-

ком присутствовало, ходил этаким гоголем, высоко задрав свежевыбритый подбородок и подтянув отвисший животик. Крутящиеся под ногами взрослых дети вовсе не понимали что происходит, не разбираясь в перипетиях отношений про-меж родни. Тётушки же вроде как невзначай поглядывали на непримиримую парочку – отца и дочь. Атмосфера накаля-лась, последовавший взрыв был лишь следствием и выходом накопившихся у девчонки эмоций. Сане же попросту «повезло» не вовремя оказаться рядом. Он вроде как съязвил неудачно в момент, когда сердце Василисы переполняла рас-пирающая злость на тёток, едко осуждавших её маму, да и на самого предателя-отца, без спросу вторгнувшегося в её личное пространство. Только что мужчина вдруг вспомнил о своём статусе родителя и попытался сделать замечание доче-ри за её плохое поведение. Ну а на Ваську вдруг неожиданно накатило, просто переклинило: «Кто ты такой, чтобы меня тут учить? Предатель!» – взорвалась, бросившись вон из из-бы. Следом выкатился братец и посмел что-то вякнуть... В общем, сцепились они с Сашкой прямо во дворе перед ок-нами! Не на жизнь, а на смерть! Зрелище получилось устра-шающее, не для слабонервных!

Дикой кошкой налетела Васька на пацана и, словно на-ткнувшись на непробиваемую скалу, мячиком отлетела в сторону, потирая ушибленный бок. Повторный бросок, ка-лейдоскопом замелькали руки-ноги. Звуки ударов, злобные выкрики, пыхтение и сопение. Услышав шум потасовки, на-

род высыпал на крыльцо, вытаращив от изумления глаза. Помня о несомненном преимуществе в физической силе у противника и существенной разнице в весовой категории, Васька старалась не подпускать брата слишком близко к себе, молниеносно уворачиваясь и внезапно падая тому под ноги, но в какой-то момент прозевала бросок и не успела отскочить. «У-у-у-у!» – ребята ухватились друг за дружку просто намертво! Тумаки сыпались на несчастную голову девчонки, пока та не изловчилась, юлой проскочив под нависшей рукой, и не оказалась позади братца, со всей дури вцепившись острыми зубами в спину, сжав челюсти, словно капканом, и барракудой повиснув на бедолаге! Тот яростно взвыл, на минуту ошaleв от столь неожиданного поворота событий и от пронзительной боли, пытаясь стряхнуть «клеща»! В ответ на утробный рёв поверженного перепуганные и чрезвычайно разгневанные тётки скатились с крыльца, бросившись на выручку страдальцу, но оторвать невменяемую племянницу, напрочь «закусившую удила», было не просто!

– Отпусти быстро, я кому говорю! – угрожающе орала одна из них, ухватив девчонку за плечи и пытаясь оттащить от сына.

– Бешеная! Точно ненормальная! – в унисон вторили остальные, тем самым лишь подогревая злость бунтарки. Васька скосила взгляд на вышедшего на крыльцо отца и ещё сильнее сдавила челюсти.

– У-у-у-у-у-у! О-о-о-о-о-о-о! – надрывался Санька, крутя

всем телом в разные стороны, намереваясь таким образом сбросить обидчицу. Безрезультатно. Та будто приклеилась, и только долговязые ноги, сделав полукруг по воздуху, повторяли движения корпуса извивающегося противника.

В конце концов девчонка разжала зубы и, получив увесистую затрещину, кубарем откатилась в сторону.

– Вы посмотрите, люди, что эта тварь наделала! – визжала тётка, указывая пальцем на спину сына, где остался чёткий отпечаток острых зубов и огромный, наливающийся прямо на глазах синяк.

Родственники охали да ахали, возмущённо размахивая руками и грозя кулаками в сторону девчонки. Васька диким зверьком, отбежав на достаточное расстояние, сердито косилась на тёток, ведь её-то синяков и ушибов никто посчитать не счел нужным. Подхватившись, она опрометью бросилась вон, подальше от дома. Забравшись в пустой заброшенный амбар, каким-то чудом ещё не рассыпавшийся за годы своего долгого существования, лишь страдальчески поскрипывающий подгнившими досками стен под напором безжалостных ветров, притаилась на деревянной занозистой скамье, утирая ладошкой злые слёзы и машинально поглаживая побитую братцем макушку. Последний, стоило только помянуть, тут как тут объявился, гордо неся боевые ранения, щедро обработанные йодом. «Надеюсь, вакцину против бешенства ему колоть не стали?!» – усмехнулась Васька, сердясь, впрочем, больше на себя и на свою несдержанность, чем на Сань-

ку, который всего лишь по неосторожности попал под раздачу. Осторожно присев рядышком с обидчицей, тот примирительно протянул руку ладонью кверху:

– Васютка, мир?! – добродушная улыбка расплылась по его лицу.

– Мир! – охотно согласилась девчонка, другого ответа, зная сестру, тот и не ожидал.

– Ну ты... кошка! Чего так набросилась?! Из-за отца? – понимающе заглянул сестрёнке в глаза. – Да плюнь ты на них всех!

– Ладно... проехали... прости...

Ребята помирились, тем паче не впервой им было драться, хотя и не так ожесточённо. Потихоньку стали подтягиваться друзья-товарищи, наполняя помещение громкими воплями и топотом неугомонных ног. Через несколько минут и наша парочка присоединилась к хохочущей компании, носящейся по амбару. Играли в жмурки, норовя ненароком переломать конечности, оступившись в многочисленные проёмы на трухлявом дощатом полу. Будто по минному полю скакали.

Так прошёл весь день. Обедать Василиса идти отказалась, Санька за компанию остался с ней, что было равносильно подвигу со стороны обжоры. На улице совсем стемнело, лишь тусклый свет от появившейся на небе бледно-молочной луны неровными полосами освещал помещение, струясь по балкам, жалобно скрипевшим под весом скачущей, словно козлики, детворы. Неожиданно Василиса таки провалилась

ногой промеж сгнивших досок, больно приложившись косточкой на голени. На минуту страдальчески скривившись, тут же позабыла об инциденте. Биться и ударяться девчонке за всё своё суперактивное детство не привыкать. Однако на этот раз всё оказалось гораздо серьёзнее, и совсем скоро ушиб напомнил о себе.

Уже по дороге домой Васька заметно прихрамывала и страдальчески морщилась, наступая на пораненную конечность. Голень распухла, покраснела и неприятно ныла в ответ на каждый шаг. Жаловаться и обращаться за помощью, ощущая на себе неприязненные взгляды, девочка не захотела. Во время позднего ужина тётки демонстративно игнорировали провинившуюся племянницу, отец рассказывал какие-то байки, а Василиса чувствовала себя, мягко говоря, совсем паршиво... кусок в рот не лез, почему-то подташнивало, и, отложив ложку, она молча вышла из-за стола, отправившись спать...

Наутро девочке стало ещё хуже. Заметно увеличившаяся в размерах нога нестерпимо болела, мелкий озноб сотрясал разгорячённое тело, а в глазах мелькали крохотные мушки. И опять она смолчала. Накормив всю ребятню пшённой кашей из большого чугунка, которой Васька смогла запихнуть в себя не больше пары ложек, тётки выпроводили путавшихся под ногами детей во двор.

– Василиса, забирай с собой Танюшку и дуй в Отрадино

за хлебом! – скомандовали ей, сунув в руку холщовые сумки-мешки и смятую трёшку.

– Я с ними пойду! – сунулся было Сашка.

– Дома сиди! – осадила того мать. – А то опять что-нибудь не поделите и передерётесь!

Танюшка это младшая Васькина сестрица, но не родная, а одна из двоюродных. Отрадином, куда их снарядили, называлась ближайшая соседняя деревня, где имела своя небольшая хлебопекарня, торговавшая ароматными кирпичиками ржаного хлеба и пышными булками с маком. Неблизкий предстоял путь. Километров пять напрямик через лес по едва заметной тропке. Но и в этот раз девочка не обмолвилась о своём недомогании. Упрямая.

Туда они добрались на удивление быстро, Василиса ещё держалась, а вот всю обратную дорогу, нагруженная тяжёлыми авоськами с ещё тёплыми буханками, уже откровенно ковыляла, пытаясь не взвыть от пронизывающей боли. Голова как-то странно кружилась, и горький ком тошноты подступал к самому горлу. Выйдя в открытое поле, когда до дома оставалось чуть больше километра, а деревня виднелась как на ладони, девчонка внезапно почувствовала надвигающуюся душной волной дурноту. Ноги подкосились и... больше ничего не запомнила, погрузившись в беспросветную темноту...

Очнулась лёжа спиной на земле под жалобные завывания сестрёнки:

– Васичка... у-у-у-у-у... вставай... не пугай меня! – стоя перед ней на коленках и заломив руки, надрывалась та.

– Тихо... не реви... сейчас встану... – странно ослабевшим голосом попыталась она успокоить перепуганную девочку.

Кое-как поднялась и с изнуряющим трудом, на полусогнутых ногах, практически доползла до избы, волоча за собой сумки. Не раздеваясь, прошмыгнув в летнюю горницу, прямо в одежде свалилась кулём на кровать. Чтобы отвлечься от пульсирующей боли в ноге, попыталась читать старые газеты, которыми вместо обоев была обклеена комнатка. Буквы расплывались и никак не желали складываться в слова. Периодически она отключалась, то ли проваливаясь в тревожный сон, то ли попросту теряя сознание и дрожа всем телом. Может быть, к ней кто-то и заглядывал за это время, Васька не помнит, но видя, что она спит, не решались будить.

Наконец, уже поздно вечером, дверь в горницу резко пахнулась:

– Василиска, сердце моё, что с тобой?! – это прибежала-приковыляла встревоженная бабуля. – Танюшка только сейчас ведь созналась, что ты упала днём!

– Нога болит... И что-то плохо мне... – прошептала девочка, ощущая, как вся кожа пылает словно в огне.

Баб Катя, прикоснувшись сморщенной старческой ладонью к внучкиному разгорячённому лбу, с ужасом запричитала:

– Миленькая ты моя, ведь жар у тебя! Я сейчас... погодь... побегу Ваньку искать... Попрошу в город нас отвезти! До больницы!

– Ну куда ты, старая, на ночь попрёшься?! – недоумевали тётушки. – Подожди до утра, не развалится твоя любимица!

– Нет, до утра ждать не станем... Предчувствие у меня нехорошее... – перекрестилась в ответ на свои тревожные мысли старушка.

Ванька, колхозный тракторист, тот ещё фрунт был! Как ковыляющая с клюшкой старенькая бабулька «бегала» по всей деревне и искала местного алкаша, затем чуть ли не силком тащила едва стоявшего на ногах мужика к измазюканному в грязи трактору, объясняя, что с внучкой плохо и срочно нужно вести в больницу, – другая история, но ведь уговорила окаянного, плотно насев и пообещав рассчитаться!

– Неужто, мать, я не понимаю?! – воодушевился мужчина, услышав про награду. – Доставим в лучшем виде! Не бойсь!

А тем временем приближалась полночь...

Бабуля внучку никому не доверила, вознамерившись самостоятельно сопровождать девочку в город и с трудом вскарабкываясь в высокую кабину трактора. Впрочем, никто и не рвался, в том числе и родной отец не вызвался заменить свою старенькую мать. Василису затолкали следом, и железный конь потарахтел в сторону цивилизации, а это километров двенадцать по корявой лесной дороге, по кочкам и уха-

бам, трясая пассажиров из стороны в сторону, отчего тем пришлось мёртвой хваткой вцепиться в металлические поручни. Но что поделаешь, ведь другого сообщения, кроме как на лошадях или тракторе, с областным центром предусмотрено не было...

Наблюдая, как в тусклом свете грязных фар мелькают по бокам тёмные стволы деревьев, Васька периодически вздрагивала и от неожиданности шарахалась, прижимаясь к бабуле, когда на особо узком участке дороги развесистые лапы елей возмущённо скребли по стёклам кабины, издавая противный скрипящий звук. Она держалась из последних сил, чтобы вновь не потерять сознание и не сползти на грязный, вывоженный даже неприятной смесью из липкого солидола, машинного масла, грязи и навоза пол, тем самым вконец испугав старушку. За время пути внезапно и совсем некстати прихватило живот – тупая боль с правой стороны грызла не по-детски...

Но вот мытарства закончились, лес остался позади, а впереди показали огни небольшого районного городка, будто встречая припозднившихся путников и приветливо мигая светлячками в темноте ночи. Добравшись до намеченной цели, Василиска с баб Катей устало ввалились в приёмный покой. На часах значилась глубокая ночь, маленькая стрелка перевалила цифру два...

К ним вышел доктор в белом халате и в низко надвинутом на лоб колпаке. Сдерживая зевоту, он вдруг совсем по-дру-

жески подмигнул Василисе:

– Ну что ты совсем раскисла, красавица? Вот давай сюда на кушетку ложись и можешь начинать жаловаться!

– Готова... – проскрипела она, осторожно укладываясь на топчан.

– Ну и что тут у нас? – участливо поинтересовался мужчина, присаживаясь рядом.

– Да вот... нога болит... И живот... – вдруг засмушалась, уж больно врач оказался молод и красив.

– Сейчас посмотрим... – нараспев произнёс тот, оголяя Ваське живот и совсем низко спуская её трусики, обнажив при этом холмик первых девичьих волосков, от чего девочка окончательно залилась румянцем, стыдливо придерживая резинку.

– Так-с... тут больно? – аккуратно надавил на напряжённые мышцы.

В ответ Василиса утвердительно кивнула.

– А тут? – резко отпустив пальцы, поинтересовался врач. Та опять лишь дёрнула головой в знак подтверждения, как будто язык разом проглотила.

– Покажи язык! – вот даже доктор вспомнил про него.

«Да без проблем!» – высунув «лопату», Васька быстренько прикрыла пузо, поспешно одёрнув футболку.

– С кем ты приехала?

– С бабушкой... – прошептала она.

– Аппендицит у тебя похоже... Надо бы необходимые ана-

лизы взять и понаблюдать до утра... – вслух размышлял мужчина.

– А нога как же? – невинным голоском поинтересовалась девочка, выставяя вперёд опухшую конечность.

При виде такого зрелища молодой специалист, казалось, потерял дар речи! «Ёханный бабай!» – округлив глаза, лишь выдал в ответ. Сглотнув слюну, шустро подхватился и, бросив на ходу: «Лежи, не вставай! Я сейчас!» – вылетел из смотровой.

Не прошло и пяти минут, Васька и заскучать не успела, как тот вернулся уже не один, а с коллегой – представительным седым дядечкой, важно потирающим руки. Теперь уже в четыре глаза доктора уставились на отёкшую, отливавшую блестящей синевой голень...

– Срочно в операционную! – скомандовал второй, как впоследствии выяснилось, дежуривший в ночь заведующий хирургическим отделением.

Баба Катя ни в какую не поехала обратно, пока операция не закончилась и опасность не миновала. Так и просидела, сгорбившись, на колченогом стульчике в приёмном покое, неистово шепча многочисленные молитвы, умоляя «Боженьку» о милосердии к болящей внучке. Вышедший позже к насмерть перепуганной старушке хирург устало окинул ту взглядом и ободряюще похвалил:

– Молодца, бабуля! Не растерялась! А ведь промедли до утра с госпитализацией, ногу девочке пришлось бы ампутиро-

ровать...

Вот так всё оказалось серьёзно. Остеомиелит развился мгновенно, вызвав воспаление кости с образованием гноя. Про аппендицит доктора, казалось, позабыли. Во всяком случае, на время.

Но перед этим... Лёжа на высоком узком столе в операционной, Васька с интересом уставилась в круглый светильник над головой, состоявший из множества ярких ламп. Облачённая в выданную серого цвета коротенькую накрахмаленную рубашу без рукавов, чувствовала себя... Алисой из фантастического рассказа, вдруг очутившейся на чужой планете. «Сейчас мои внутренности станут изучать инопланетяне?!» – невинно поинтересовалась у крайне озабоченных врачей. «Похоже, у девочки жар! Она бредит...» – переглянулись между собой уже знакомые ей хирурги, до этого чуть слышно шептавшиеся, склонившись над покалеченной ногой. Обработав поверхность кожи раствором йода, приступили к местной анестезии, обкалывая область воспалившегося ушиба новокаином. Девчонка, сизмальства привыкшая терпеть боль, лишь жалобно скривилась, прошипев сквозь зубы.

– Потерпи, девочка... ещё чуть-чуть осталось... – тут же отозвался седой доктор.

«Уф-ф-ф...» – выдохнула Василиса, медленно выпустив сдерживаемый в лёгких воздух, с облегчением почувствовав, что неприятная экзекуция подошла к концу. Хирург взял-

ся за скальпель. В ответ на брякающий звук инструментов она попыталась повернуться, дабы подсмотреть хоть одним глазком, что там творят с её собственностью. Не тут-то было. Перед любопытным взглядом неожиданно материализовался тот самый первый молоденький доктор и ласково, но достаточно твёрдо вернул голову девочки в первоначальное положение:

– Не надо... не смотри... – тихонько произнёс, успокаивающе взяв за ладошку.

Сжавшись и покрывшись мурашками озноба, Васька чувствовала, как её родную конечность долбят, словно зубилом, пробивая отверстие в кости. Впрочем, всё так на самом деле и происходило. Звяканье инструментов, звуки отсоса, озаченные голоса: «Тампон... ещё тампон...» «Твою мать, держи крепче!» «Надкостница... глубоко...» «Вроде чисто?» «Быстрее... время!» Действие анестезии стало ослабевать, боль нарастала, поднимаясь всё выше, подбираясь к паху... «Всё! Зашиваем!» – операция подошла к завершению. Наложив гипс чуть выше колена, хирурги установили в отверстии над раной дренаж и, сделав укол в ягодицу, отправили Василису на каталке в палату.

Ночь. Всё отделение погрузилось в глубокий сон. Сестричка на посту прикорнула прямо на стуле, положив голову на скрещённые на столе руки. Где-то вдалеке раздавался протяжный то ли стон, то ли храп. Одна девочка не могла никак уснуть, эффект от обезболивающего стремительно уменьшался, а распирающая боль вновь набирала обороты.

К тому же внезапно захотелось в туалет, по-маленькому... Сильно приспичило... Спустив ноги с железной пружинистой койки и дождавшись, покуда голова прекратит стремительный круговорот, девочка углядела костыли рядом с соседней кроватью, на которой мирно посапывала больная. Потянувшись, прихватила их и потащила к выходу. Дверь открылась практически беззвучно. Стараясь сильно не шуметь, Васька выползла в пустынный больничный коридор. На горизонте никого не наблюдалось. Кромешная темнота и лишь слабенький свет от ночника на посту медсестры действовали успокаивающе. Приметив в дальнем конце заветную букву «Ж», торопливо переставляя костыли, направилась в обратную от стола дежурной сторону. Туда добралась без происшествий и, сделав своё дело, двинулась назад, но успела доковылять лишь до середины длинного коридора, как вдруг ощутила сильную слабость, огонёк лампы прямо на глазах стал блекнуть, костыли разъехались, а сама она со страшным грохотом распласталась на кафельной плитке, ненароком сбив стоящее рядом кресло-каталку, отчего то развалилось, будто трансформер, оглушая отделение громким металлическим лязгом! Сознание помахало ручкой, уносясь в неизвестном направлении, а холодный пол встретил крайне нелюбезно, состыковавшись с девичьими косточками.

– Вот глупенькая... – услышала рядом с собой голос, выныривая из темноты и чувствуя, как кто-то слегка бьёт по

щекам. В нос ударил резкий запах нашатыря.

Нехотя приоткрыв один глаз, обнаружила склонившегося над ней старого знакомого, всё того же симпатичного доктора. «И чего это мы с ним всё никак не расстанемся!» – мысленно хихикнула она. Нисколько не ругаясь, тот осторожно взял неугомонную барышню на руки и самолично эвакуировал в палату, бережно положив на койку. Затем прикрыл девочку одеялом, категорически запретив вставать до утра!

Проснувшись, Василиса почувствовала себя значительно лучше, и живот, как ни странно, болеть перестал. Видимо организм дал отбой, решив, что его хозяйке досталось с лихвой и без аппендицита. Уже через день она скакала по больницы территории, ловко переставляя костыли!

Яркие солнечные лучи ласкали двор. На свежевыкрашенных лавочках расселись, блаженно жмурясь, бабульки в застиранных халатах. По соседству пристроились мужички в бесформенных штанах, пузырями вытянувшихся на коленях, с азартом стуча костяшками домино. Девочка застыла неподалёку, с наслаждением подставив лицо тёплому ветерку, который добродушно перебирал пушистые пряди распущенных до самой поясницы волос. Из этого блаженного состояния её вырвали проходившие мимо местные ребята. Вполне вероятно, лишь из добрых побуждений один из них решил отпустить комплимент, мимоходом обронив:

– Такая красивая, а уже... инвалид?! – в голосе парнишки звучало явное сожаление, но Васька, враз очнувшись от

мечтаний, почему-то восприняла фразу как оскорбление в свой адрес.

– Кто инвалид?! Это я-то инвалид? – возмущению не было предела, она вдруг не на шутку разошлась.

Парень, похоже, сам уже не рад был своему замечанию! Ведь как вы думаете, что учудила наша красавица в сложившейся ситуации? Всё правильно! Схватив один костыль на подобие дубины, Василиса стремглав кинулась в атаку! Со стороны представление, должно быть, выглядело просто уморительно – амазонки мирно отдыхают и вздыхают от зависти, беря уроки у современной молодёжи! Компания бросилась врассыпную, поспешно удирая от разъярённой фурии, с оружием наперевес грозно надвигающейся на них. Несколько шагов по инерции Васька проскакала следом, но быстро притомившись и резонно решив, что честь свою отстаивать, устало присела на лавочку, только сейчас заметив наблюдавшего за ней через окно ординаторской хихикающего доктора.

– Ничего смешного вовсе нет! – чуть не показала язык мужчине, но одумавшись в последний момент и приняв независимый вид, гордо отвернулась в другую сторону.

Дня через три, чего совсем не ожидала Василиса, вдруг примчалась вызванная срочной телеграммой и ужасно обеспокоенная мамуля. Девчонка крайне удивилась, неожиданно увидев ту на территории больницы, обвешанную пакетами с гостинцами, словно рождественская ёлка.

– Ну и как ты опять умудрилась куда-то вляпаться?! – привычно забурчала женщина, но Васька успела заметить, что та искренне обеспокоена за дочь.

Естественно, ни о каких объятиях-поцелуях и речи не шло. Вот чего нет, того нет. Но что тут поделаешь, не умела женщина выражать свои чувства открыто, разве только гнев или ярость, а что до любви, тут увь... Не дано... Посмотрев, что дочка жива и уже в безопасности, поспешила в обратный путь, потому как отпустили её с работы всего на два дня, а младшую сестрёнку пришлось оставить у родственников.

«Мамочка моя... ведь волновалась за меня...» – с тёплым чувством благодарности в душе вспоминала Василиса много позже.

Вскоре проказницу выписали, наказав через день являться на перевязки. Встречала её неизменная баб Катя на колхозной лошадке весьма преклонного возраста, запряжённой в телегу. Коняку бабуля слёзно выпросила у конюха Гришки, и сейчас, погоняя хитроватую гнедую Белку, старушка незлобно ворчала, буквально каждую минуту грозя прутом, иначе лентяйка вовсе встанет. Таким образом, особо не торопясь, они направлялись в сторону деревни.

– Васька приехала! – стоило девочке сползти с телеги, удерживая равновесие при помощи костылей, как на неё накинута толпа ребятишек.

– Васютка, я скучал по тебе... – прошептал Санька, чтобы

никто не услышал, кроме неё, и, кажется, сам застеснялся своих слов.

– Ух, ты! Здоровские костыли!

– И гипс настоящий!

– Повезло тебе, Вась!

Окружив подружку со всех сторон, ребятня с восторгом и даже с каким-то немым благоговением дотрагивалась до гипсового сапога, нюхала его и разве что не облизала.

Одно не радовало Василису – понаехавшие родственники оккупировали весь дом и, похоже, уезжать не торопились. Спальных мест оказалось явно маловато, поэтому мужиков отправили ночевать на сеновал, а её пристроили в летнюю горницу на соседнюю с отцом койку. «Специально они, что ли?!» – пыхтела девчонка, безуспешно пытаясь уснуть. Они не разговаривали друг с другом. Вовсе. Напряжённая атмосфера тяготила. Лёжа в полной темноте, Васька предавалась своим невесёлым мыслям, размышляя о маме, об отце, о сложностях в отношениях между родителями... «Никогда замуж не выйду! – вдруг решила она. – Будет, как отец, драться, так ведь прибью его на фиг!» Вот до чего успела додуматься! «Хр-р-р-р...» – с соседний койки наконец-то раздался прерывистый храп. «Уф ты... кажется заснул!» – обрадовалась девчонка и немного расслабилась. Сна как не бывало, ни в одном глазу. Загипсованная нога не позволяла выбрать удобную позу... жарко... душно... Над ухом, крайне раздражая, назойливо пищал комар. «Вот зараза какая!» –

внезапно хлопала себя по щеке, стоило тому приблизиться. Ни фига... как зудел, так и не переставал. Короче, Василиса изнывала...

«Скрёб-скрёб...» – вдруг послышался подозрительный звук со стороны окошка. Кто-то чуть слышно, тихохонько так скрёб по открытой настежь деревянной раме.

– Кто тут? – остороженько прошептала, боясь разбудить отца.

– Васютка... эй... ты спишь? – так же шёпотом ответили ей.

Признала сразу. Юрка, местный абориген и их общий старший товарищ. Интересно, как догадался, что подружка именно здесь? Ведь нарвись на тётушек, шуму бы не избежать! Девчонкам парень казался непоправимо взрослым, старше их, соплюх, на целых пять лет! Юрий считался в деревне личностью самостоятельной, мужиком. Потому как в свои неполные девятнадцать лет имел специальность тракториста и работал в колхозе наравне со старшими, в паре с забулдыжкой дядей Ваней, но в отличие от последнего спиртного не употреблял, оттого и ценили парня на вес золота. Сёстрам же, от греха подальше, категорически запрещалось водиться с молодым человеком, а тому скучно, видать, было по вечерам, тоскливо, хоть волком вой, ведь ровесниц в деревне не наблюдалось. Знать, лишь по этой причине, прикинув, что на «безрыбье и рак шука», пытался аккуратно, смущаясь, точно девица, заигрывать с барышнями, впрочем,

не переходя дозволенные границы. Характером он с рождения отличался скромным и молчаливым, а юные нимфы до невест явно недотягивали, детство у них играло во всех местах, жеманничали и хихикали с приятелем, вводя красного, как помидор, парня в состояние ступора.

Однажды он всё же рискнул, набрался храбрости и пригласил Василису на свидание! Да уж... О чём впоследствии наверняка пожалел, и не единожды... Девчонка к первому в своей жизни столь примечательному событию подошла с полной ответственностью! Ведь это вам не с пацанами в войнушку играть, нечай самый что ни на есть настоящий, взрослый молодой человек удостоил такой чести, выделив из всех подружек! Посему готовилась тщательно, доставая из чемоданчика и тщательно утюжа единственное приличное шёлковое платье, и не беда, что то стало совсем коротко и едва прикрывало попу. Естественно, в известность поставила всех сестёр, ну как тут удержаться и не похвастаться?! Впихнув себя в узкий наряд, угрожающе трещащий по швам, распустила косы, щёткой старательно расчесала волосы и отправилась на встречу с кавалером.

Хм... отправилась – громко сказано... Далеко идти не пришлось, достаточно было спуститься с крыльца и сделать два шага в сторону лавки. Парень оказался предусмотрительным и место выбрал рядышком с домом, аккурат под окошком кухонным, дабы не вызвать пересудов и гнева на свою голову. Массовка давно была наготове. Изнывая в

крайнем нетерпении, девчата притаились на веранде, с любопытством и каким-то даже азартом подглядывая сквозь щели в дверях.

Вот парочка вежливо поприветствовала друг друга и чинно уселась на скамейку, соблюдая дистанцию соответственно правилам приличия. Вечерело. Воздух становился прохладным, а активизировавшиеся разом комары прожорливо зудели, так и норовя приземлиться на голые коленки девочки. Юрий смущался, разговор не клеился. Невозмутимая Васька изображала мадемуазель Скромность, томно поджав губки бантиком и нарочито неторопливым движением руки отгоняя вредных насекомых веткой черёмухи. В полной тишине, нарушаемой лишь печальными вздохами соседской бурёнки, скучающей по соседству в хлеву, и стрекотом расшавившихся на ночь глядя кузнечиков, неожиданно раздался характерный звук! Василиса в недоумении вытаращилась на парня, в ответ тот густо покраснел, сконфузился и шёпотом извинился:

– Прости... молока напился, живот пучит...

Ей бы тогда, дурочке, сделать вид, что не заметила или же перевести разговор на другое, ан нет... В ту же секунду в девчонку не иначе вселился бесенок. Позабыв про все правила и нормы приличия, не сдержавшись, прыснула в кулак, а следом принялась громко и безудержно хохотать, словно умалишённая, согнувшись пополам, схватившись за живот и раскачиваясь на лавке в приступе гомерического смеха. Че-

рез какое-то время, справившись с эмоциями и с трудом взяв себя в руки, замолкла, виновато поглядывая на обескураженного соседа. И ведь только собралась извиниться перед тем, как вдруг, будто назло, со стороны веранды раздался негромкий смешок... и хихиканье подружек переросло в откровенное ржание! Тут Васька снова не выдержала, вспышка истерического смеха возобновилась с новой силой, с каждой секундой лишь набирая обороты!

В тот раз незадачливый ухаждёр с великим позором бежал. Через какое-то время постыдное свидание позабылось, Юрка вновь примкнул к ребятам, продолжая общение с Василисой теперь уже без всяких там «глупостей» и намёков на романтику, по вечерам играя с подростками в лапту и катая смешливую подружку на своём стареньком мотоцикле, со страшным рокотом проносясь по деревне мимо рассыпающихся в разные стороны кур и гусей.

Вот и сейчас, едва вернулся с поля, закончив работу с наступлением темноты и прослышав о возвращении девочки, не выдержал и примчался проведать.

– Ты спишь?! – повторил свой вопрос, стоя под окном.

«Конечно, блин, я сплю, а тебе отвечает тень Гамлета!» – развеселилась Васька, чрезвычайно довольная появлением приятеля.

– Привет! Тссс... Тише... Сейчас весь дом разбудишь... – цыкнула на того.

– Как здоровье? Поехали, на мотоцикле покатаю?! – пред-

ложение прозвучало неожиданно.

«А почему бы и нет? Сна ни в одном глазочке... Отец храпит, как старый дизель, сотрясая фанерные перегородки стен... Даже книжку не считаешь без света... Мрак, короче...» – воодушевлённая незапланированным приключением, Василиса немедля согласилась, проворно сползая с высокой кровати:

– А... поехали!

Стараясь не шуметь, воровато оглядываясь на задававшего храпака и выводившего невыносимые рулады батю, осторожно принялась перебираться поближе к окну.

– Держи... – сунула в открытую раму костыли.

– Давай... Тихо... Чуть глаз не выбила...

– Блин... темно... ничего не вижу... Ты где? Высоко очень! – засомневалась вдруг. – Я постараюсь зацепиться, а ты поддержи меня снизу... – с этими словами Васька перекинула в проём сначала ногу в гипсе, потом вторую... перевернулась попой кверху, животом распластавшись на узком подоконнике.

– Ты куда это направилась? – раздался голос.

Подняв глаза, Василиса внезапно столкнулась с недоумённым взглядом отца. Прошляпила и упустила, когда тот проснулся, враз перестав храпеть.

– Да... так... В туалет захотела... – ляпнула первое, что пришло на ум, и соскользнула со шербогatego подоконника, аккуратно подхваченная снизу.

Ночная темнота поглотила беглецов, надёжно укрыв от возможной погони. Похоже, той и не предвидится. «Кому я нужна?!» – рассудила Василиса. Приятель, выкатив из ближайших кустов своего железного коня, завёл мотор, взорвавший тишину спящей деревни оглушающим грохотом. Бережно усадил подружку позади себя, оставив костыли лежать в ближайшей канаве, и понёсся в сторону леса по едва заметной в свете фар извилистой тропинке. От скорости у Васьки захватывало дух, на кочках мотоцикл подбрасывало и она только крепче прижималась к спине гонщика, обхватив того руками за плечи. Всё бы, возможно, обошлось без происшествий, но приспичило вдруг девчонке сесть за руль!

– Василиска, да ты с ума сошла! Как ты... С загипсованной ногой?! – ужаснулся Юрий от подобной просьбы.

– Нормально! Я же не ногами рулить собираюсь! – вполне логичный ответ.

И если уж липучка чего-то вдруг сильно захотела, то не мытьем, так катанием, но своего добьётся! Вот и Юрка не смог отказать, всё же сдался. А зря. Не прошло и пяти минут, как, не справившись на крутом повороте с управлением, они уже летели кувырком... Пассажиров стремительно разбросало по сторонам. Мотоцикл надрывно рычал и бешено крутил колёсами. Юрий сдержанно матерился в отдалении, а Василиса возлежала вниз головой в глубокой рытвине, разглядывая белевший в темноте гипс: «Красиво смотрится!»

Не успела она толком налюбоваться живописной картин-

кой и выслушать от парня всё, что тот думает о безбашенной гонщице, как вдруг раздался громкий гул встревоженных голосов. В стоявшем неподалёку бабулином доме разом во всех окнах вспыхнул яркий свет, и галдящие родственники, полураздетые, высыпали на улицу с фонариками в руках. Да уж, недооценила Васька отца! Тот, выждав минут десять и не дождавшись дочкиного возвращения, поднял на ноги весь дом!

«Лучше бы он и дальше храпел... – недовольно ворчала девчонка себе под нос, когда её волокли домой. – Во разорались-то! А тётка Вера ещё и визжит, как обычно, точно сирена...» А что те могли сделать племяннице, кроме как обругать всяко разное, упоминая к слову... её мать?!

Через месяц гипс наконец-то сняли, поставив лёгкую лангетку, а нарушительницу спокойствия (хулиганку, паразитку, засранку, геморрой ходячий и т. д., и т. п.) с чувством нескрываемого облегчения отправили домой к матери.

Вот и снова, в который уж раз (впрочем – последний, о чём Василиса даже не подозревала) девчонка тряслась в скрипучей телеге по дороге к вокзалу, уворачиваясь от хвоста запряжённой в неё лошади, нервно отгонявшей от себя злобных слепней. «Поскорее бы мне стать совсем взрослой... Пойти бы работать... Никогда своих детей бить не стану...» – откуда дети возьмутся, если замуж выходить не собиралась, про то Васька додумать не успела. Колесо провалилось в наполненную мутной водой рытвину, отчего пассажи-

ров вместе с бесчисленными баулами неожиданно подбросило высоко вверх, заставляя ухватиться за высокий деревянный борт. Девчонка, не в первый раз получив по спине острым углом от огромной коробки, лишь раздосадованно бурчала себе под нос. Ей самой принадлежал лишь один небольшой картонный чемоданчик, а баулы-коробки-котомочки с соленьями-вареньями волокла домой тётка Вера, сопровождавшая девчонок – племянницу и собственную дочку – с каникул домой. Разлапистые ели нависали над головой, образуя свод и в иных местах вынуждая пригибаться, дабы не остаться если и не без глаз, то с поцарапанной физиономией наверняка. Призывая сорваться с места, поддавшись соблазну, на пути вдоль обочины то и дело вставляли лесные красавцы – крепкие подосиновики и ядрёные боровики, а уж лисичкам и подберёзовикам счёту не было, этого добра в глухом лесу всегда было полно. Уже через три часа в окружении многочисленных сумок и авосек отпускницы топтались на перроне железнодорожного вокзала, приготовившись к посадке, в нетерпеливом ожидании подачи их состава.

Вот неспроста утверждают, что мысль материальна! Выходит, накаркала девчонка своими думками? Хотя, быть может, всё гораздо прозаичнее – время пришло и условная зрелость поджидала её неожиданно скоро, к тому же не в самой подходящей обстановке, а в переполненном плацкартном вагоне душного поезда. Проснувшись поздно утром под стук колёс и мерное покачивание, Васька вдруг почувствовала

странный дискомфорт в спортивных брюках. О таких явлениях, как женские дни, слышала разве что от подружек, которые шушукались между собой с заговорщическим видом, мать же на этот счёт почему-то не просвещала. Но сейчас, оказавшись в неожиданно конфузливой ситуации, встревоженно затаилась, не решаясь слезать с верхней полки. От одной только мысли, во что превратилась одежда и как в таком неприглядном виде поедет в метро, электричке, автобусе ей становилось плохо. Девчонка словно наяву видела прохожих, показывающих пальцами и откровенно хихикающих за её спиной...

– Васька, давай вставай, долго там валяться собралась?! Через 15 минут выходить, а она ещё бока мнёт! – слышался голос снизу, это тётка недовольно ворчала на племянницу.

Тётя Вера, одна из родных сестёр отца Василисы – самая младшенькая и самая горластая. Не так давно она проживала в деревне по соседству с баб Катей, матерью своей, в добротном рубленом доме, затем продала его со всем огромным хозяйством, переехав в город к брату, поближе к цивилизации. Образования имела неполных три класса, с девчонок проработав скотницей, а характерный деревенский говорок настойчиво срывался на визг с оглушительными воплями. Васька отлично помнит, как вместе с другими детьми, сбившись в кучку, с трепещущим ужасом наблюдала каждодневную душераздирающую картину: на скотный двор, где

тётка убирала за коровами навоз, меняя подстилку и подсыпая свежие опилки, как по расписанию, прибежал пьяный в дупель супруг и устраивал очередной грандиозный скандал, обвиняя жену в измене:

– Верка, бл@дь такая! Проститутка! Я тебя, суку, сейчас проучу, ты у меня как шёлковая станешь! – с этими словами пропойца, сам с ноготок ростом, щупленький, как сморчок, хватался за вилы и нёсся с диким рёвом за неверной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.